

УДК 330.142.23 : 93 (470.41) «18» «19»

И. И. САЕТГАРАЕВ

Татарский государственный
гуманитарно-педагогический
университет

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассмотрена история становления финансового капитала в Казанской губернии в конце XIX — начале XX века. В ходе изучения централизации капиталов в губернии, рассмотрения направленности основных банковских операций и взаимоотношений торгово-промышленного и банковского капиталов показаны особенности формирования финансового капитала на базе местной экономики. Выявлены уровень и итоги его развития в экономике Казанской губернии. Отсутствие какой-либо обобщающей работы по данной проблеме определяет научную новизну данного исследования.

Конец XIX — начало XX века в экономике Российской империи характеризуются как время формирования финансового капитала. Предпосылками этого стали концентрация и централизация капитала, развитие кредитных отношений, появление иностранного капитала и складывание монополий.

Аналогичного характера процессы прошли во второй половине XIX века и в Казанской губернии. Однако ряд обстоятельств, в частности, таких как природно-географический и национальный факторы, предопределили своеобразие экономического развития края. Вследствие этого актуальным является вопрос о становлении финансового капитала, об особенностях и итогах развития этого явления в губернии.

Финансовый капитал — это такая форма денежного капитала, которая взаимно связывает капиталы корпораций различных сфер экономики. То есть он по своей сути является еще одним выражением денежного капитала, но находится на высшей ступени развития. Это обеспечивается за счет объединения в нем

банковского, промышленного и торгового капиталов, через посредство выражения их в денежной форме.

Ведущую роль в образовании финансового капитала играл процесс концентрации производства. Именно с него началась централизация капиталов и создались предпосылки для учредительства, эмиссии и долгосрочных кредитов, используемых для расширения производства. Благодаря им между промышленными предприятиями и банками возникали разного рода связи. Заключительным звеном в цепи сращивания капиталов банков и предприятий являлась личная уния, устанавливаемая между ними.

Несмотря на активное прохождение процессов объединения капиталов в крае, особенно начиная с 90-х годов XIX века, такие высшие формы централизации, как паевые товарищества и акционерные общества, в его экономике так и не получили должного развития. Характерной чертой объединения капиталов в губернии стало превалирование полных товариществ и командитных обществ. Так, с 1884 по 1918

год Казанской городской управой было зарегистрировано 82 действующих торговых дома. Из них на правах полного товарищества находились 42 фирмы, а на правах товарищества на вере — 35 [1]. Их организационная структура носила довольно-таки закрытый характер и не предполагала широкого хождения ценных бумаг, лежащих в основе учреждаемых предприятий [2].

Выбор этих форм обуславливался рядом обстоятельств. Так, предшествовавшая централизации концентрации, особенно в торговле, ставшей основным финансовым источником в формировании промышленных предприятий в крае, привела к накоплению некоторыми купеческими семействами крупных средств. Вследствие этого им для учреждения фирмы зачастую не требовалось прибегать к привлечению посторонних капиталов.

Следующим фактором стала патриархальность взглядов. Коммерсанты нередко позиционировали имевшееся у них предприятие как семейное дело. Поэтому они старались не распылать свои капиталы и не допускать в управление фирмой посторонних людей. На это указывает то, что большинство фирм, функционировавших в крае в начале XX века, имели в своем наименовании указание на наследный характер дела. Кроме того, среди членов этих фирм фигурируют сыновья, жены и иные родственники патриарха семейного бизнеса [3].

Существенную роль в превалировании этих низших форм централизации в крае сыграло господство легкой промышленности. Предприятия легкой промышленности стали той сферой производства, куда происходило вложение большей части капиталов в экономике, естественно после торговли, имевшей давние исторические корни. Так, на 1897 год в крае функционировало 79,4% предприятий, перерабатывающих «животную и древесную продукцию», а также «полевые растения», а в 1908 году их было 85,3% [4].

Обширные лесные массивы и плодородные почвы, причем не только в Казанской, но и в соседних губерниях, предопределили развитие в первую очередь предприятий, принадлежащих к мукомольным, лесоперерабатывающим, вино-водочным, пивоваренным, а также овчинно-войлочным отраслям промышленности. Тот факт, что такого рода предприятия не требовали значительных затрат в процессе своей организации и дальнейшего функционирования, позволил местным коммерсантам не прибегать к долгосрочному кредитованию и широкому привлечению вкладчиков. Необходимо указать и на то обстоятельство, что эти предприятия обладали возможностью собственного накопления, а следовательно, меньше нуждались в посторонних капиталовложениях.

Таким образом, большинству местных промышленных предприятий не требовалось привлекать значительные дополнительные средства для своей деятельности. Это закономерным образом снижало потребность в организации акционерно-паевых обществ, в получении предпринимателями долгосрочных кредитов в банках, а также в проведении эмиссионных операций.

Эти факторы, а также господство в предпринимательской среде торговой буржуазии предопределило, что при создании местных банков основной акцент коммерсантами был уделен наличию возможности быстрого получения кредита под оборотный капитал. В результате наибольшее развитие в перечне предлагаемых банками услуг получили учет векселей, выдача ссуд, а также открытие специальных текущих (контокоррентных) счетов.

Дисконт векселя не предполагал своим следствием широкого процесса сращивания промышленного и банковского капиталов. Дело в том что вексель использовался в промышленности в основном для платежей и для создания платежного кредита. Отношения между банками и промышленностью не шли при проведении данного вида операций дальше необходимости исследования надежности кредитуемого и дальше получения прибыли от дисконта.

Исходя из этого можно утверждать, что Казанский купеческий банк, являвшийся наиболее крупным представителем местного банковского капитала и имевший наибольший потенциал для установления контроля над торгово-промышленными предприятиями края, использовать свои капиталы для проведения их захвата не мог. Дело в том что он, будучи учрежденным на средства представителей в основном крупного торгового капитала, относился по характеру своей деятельности к банкам дисконтного типа. Так, только на проведение дисконта векселей он, вплоть до 1916 года, тратил более 50% своего актива [5].

Единственно сильным инструментом, имевшим реальные возможности для установления контроля над предприятиями со стороны банков в губернии, были специальные текущие счета. Однако эта операция в Казанской губернии для реализации данной цели не использовалась. Банковские правила четко указывали на то, чтобы сумма открываемого кредита была на десять и более процентов ниже номинальной цены принимаемых обеспечений.

Кроме того, практически на всех счетах открытых крупными фирмами по этой операции сохранялся остаток средств, а также наблюдалось активное использование средств. Последнее обстоятельство свидетельствовало о применении средств данного счета для кредитования оборотного капитала.

Также необходимо указать, что доля негарантированных фондов, используемых в качестве обеспечения по этой операции, была незначительной. Количество же местных ценных бумаг, лидером среди которых являлись акции Казанского купеческого банка, в них была представлена еще меньше. Таким образом, возможность получения банком права владения предприятием в процессе закрытия счета и конфискации акций и паев, находящихся в обеспечении, резко снижалась.

Не способствовало сращиванию капиталов в губернии и то обстоятельство, что со стороны отделений общероссийских банков интерес к операциям с ценными бумагами, особенно с негарантированными, проявился сравнительно поздно, лишь к началу Первой мировой войны.

Из местных банков наиболее серьезно проведением этого вида операций занимался Казанский купеческий банк. Начиная с 1910 года она стала занимать в его активах второе место по активности и объему средств идущих на работу с клиентами. Если на 1 января 1904 года по этому счету было потрачено около 500 тысяч рублей, что составляло 8,9% от всего актива, то уже на 1 января 1916 года эта сумма возросла до 1 миллиона 200 тысяч рублей, что равнялось уже 16% [6]. Своеобразной особенностью Казанского купеческого банка при проведении этой операции стало то, что начиная с 1911 года возросла доля векселей, как средства обеспечения. Одновременно с этим снизилась роль ценных бумаг, ранее удерживавших первенство по этому показателю. В 1912 году обороты по специальным текущим счетам, обеспеченным векселями, превысили обороты по счетам

обеспеченным ценными бумагами, в 3 раза [7].

Изучение местных архивов показывает, что начиная с 1910 года местные капиталисты стали активнее использовать возможности Русско-Азиатского и Азовско-Донского коммерческих банков для приобретения и продажи ценных бумаг, то есть для проведения биржевой игры [8].

Также негативную роль в формировании финансового капитала в губернии сыграли такие факторы, как отсутствие фондового отделения при бирже Казани, разборчивость столичных фондовых бирж при проведении котировок провинциальных бумаг, направленность местных банков на удовлетворение потребностей коммерсантов в оборотном капитале. Так, еще в момент учреждения, в уставе Казанского купеческого банка было четко оговорено, что он не берет на себя права проведения учредительских операций [9].

Итак, подводя итог, можно говорить о незначительности объемов централизации капиталов в форме акционерно-паевых обществ, ориентированности операций банков по большей части на проведение торгового кредитования, позднем развитии фондовых операций и так далее. В свою очередь это все, на наш взгляд, не свидетельствует о прохождении процессов формирования финансового капитала в губернии посредством эмиссии, учредительства или долгосрочных кредитов.

Несмотря на это, будет неправильным заявлять о полном отсутствии каких-либо связей между разными видами предпринимательства и средствами, находящимися в их основе. Несмотря на кажущуюся краткосрочность взаимоотношений банковского и торгово-промышленного капиталов в процессе дисконта векселей и кредитования оборотного капитала, безусловно, то, что между ними возникали более или менее устойчивые связи опосредованного характера.

То есть единичный случай кредитования, бесспорно, не приводил к установлению связи, но если это превращалось в регулярный процесс, пусть и в незначительных объемах, то она закономерно возникала.

Анализ архивных фондов показывает, что большая часть капиталистов регулярно пользовалась услугами банков на протяжении долгого времени. Причем нередкими были случаи кредитования коммерсантов одновременно несколькими банками и посредством различных операций.

Учет векселей, требующих со стороны кредитных учреждений информированности о состоянии платежеспособности предпринимателей, трансфертные операции, установление связей между коммерсантами благодаря разветвленной сети банковских отделений — эти, а также многие другие услуги, предоставляемые банками, укрепляли взаимоотношения между ними и торгово-промышленными кругами.

С обеих сторон кредитных отношений возникала заинтересованность в упрочении возникающих связей, в формировании интереса у делового партнера к совместной деятельности. Такого рода интерес со стороны предпринимателей приводил к тому, что они нередко занимали разные посты в кредитных учреждениях.

Одним из примеров этого являлась их работа в банках в качестве членов учетных комитетов. Служба в них не предполагала создание возможности установления контроля с той или иной стороны друг за другом. Фактически это было простое принятие банком на работу специалистов в лице коммерсантов.

Однако, как показывала банковская практика того периода, вследствие несменяемости этих лиц на постах, это способствовало возникновению крепких связей, зачастую основанных на взаимовыгодном сотрудничестве.

Бесспорно, что служба в этих органах не представляла собой один из элементов сращивания промышленного и банковских капиталов. Решения коммерсантов должны были носить совещательный характер и не могли влиять на мнение руководства кредитных учреждений. Деятельность в них, даже когда она принимала долговременный характер и способствовала установлению тесных дружественных отношений между банками и предпринимателями, оставалась для последних в первую очередь работой.

Более качественные и устойчивые связи возникали в процессе занятия предпринимателями иных, более высоких постов в банковских учреждениях в качестве членов их советов и правлений. К примеру, действительный статский советник Г. А. Крестовников, помимо работы в правлении «Фабрично-торгового товарищества братьев Крестовниковых» также был директором товарищества мануфактур «И. Гарелин», «Московского товарищества механических изделий», входил в Государственный совет, а также являлся председателем совета Московского купеческого банка [10].

Такое совмещение должностей можно было бы назвать одним из проявлений «личной унии», если бы не одно «но». Персональная уния в таких случаях (имеется в виду их возникновение в период до 90-х годов XIX века у банков со старыми предприятиями с большим собственным накоплением) возникала на почве обслуживания нужд последнего в краткосрочном кредите. Как указывает Л. Е. Грановский, такого рода связи сами по себе отнюдь не являлись признаком наличия финансового капитала [11].

Не только участие в руководстве и функционировании тех или иных банков способствовало формированию устойчивых связей между кредитными учреждениями и торгово-промышленными кругами. Значительную роль в этом играли факты регулярно кредитования, расширение ассортимента банковских услуг, формирование в банке замкнутой системы взаиморасчетов между предпринимателями и их контрагентами и так далее.

При рассмотрении отчетов некоторых местных кредитных учреждений видна определенная связь, устанавливаемая ими с некоторыми общероссийскими банками. Возникла она на базе открытия первыми специальных и простых текущих счетов, переучета векселей, установления корреспондентских отношений и так далее. Такого рода взаимоотношения зачастую превращались в продолжительные и имели в своей основе значительные капиталы.

В результате можно говорить о наличии устойчивой связи между Вторым Казанским обществом взаимного кредита и Казанским отделением Русско-Азиатского банка. В отношении Первого Казанского общества взаимного кредита можно сказать, что к примеру из пяти банков, используемых им для помещения своих свободных средств, большая сумма в течение 1913 года прошла по счетам Азовско-Донского банка — около полутора миллионов рублей [12]. Бусыгин Иван Олимпиевич — управляющий Казанским отделением Азовско-Донского коммерческого банка, даже являлся одним из членов этого общества [13].

Экономика Казанской губернии являлась неотъемлемой частью общероссийской. Это предпо-

ределило проникновение в ее среду общероссийского и иностранного финансового капитала, находящихся на довольно высокой ступени развития.

Первые факты этого можно проследить еще в конце XIX века. Так, летом 1897 года Парижско-Нидерландский банк и банкирская фирма «Демаши и Сейер» совместно с промышленными компаниями Вандель и Шнейдер, попытались учредить в крае «Волжско-Вишерское горное и металлургическое общество». Также в начале XX века на территории губернии имели свои отделения концерн Стахеева — Батолина, «Александровские сахарные заводы», связанные с Русско-Азовским коммерческим банком, акционерные общества «Нобель» и «Общество соединенных цементных заводов», близкие и патронированные Азовско-Донским коммерческим банком, и многие другие.

Слабое развитие акционерных обществ, позднее становление фондового рынка, превалирование торговли и легкой промышленности как основной сферы приложения капиталов являлись в условиях естественно-исторического развития капитализма первопричинами слабости финансового капитала в крае. Однако становление капитализма, вхождение с конца XIX века местной кредитной системы в общероссийскую и некоторые другие причины предопределили установление устойчивых связей между местными и общероссийскими предприятиями и банками.

Местные торгово-промышленные капиталы имели определенного рода связи с банковскими капиталами основанные на длительном сотрудничестве. В результате этого у них также складывались предпосылки для взаимного сращивания, но не на основании захвата контроля друг над другом, а на базе переплетения капиталов посредством денег как всеобщего эквивалента. Такого рода отношения, конечно же, были менее устойчивые, но не менее действенные в плане создания единой, взаимосвязанной экономической системы в крае.

Таким образом, подводя итог можно сказать, что в начале XX века финансовый капитал в экономике Казанской губернии существовал. Однако, на наш взгляд, в силу ряда причин местный элемент в нем только находился на стадии своего формирования и был слабым. Особенно ярко это прослеживается при сравнении его с общероссийскими масштабами. В то же время необходимо указать, что экономика Казанской губернии, являясь неотъемлемой частью общероссийской экономики, стала территорией функционирования значительного количества фирм, представляющих собой развитый общероссийский и иностранный капиталы.

Библиографический список

1. Нигамедзинов Ф. Ф. Очерки истории купеческого сословия России конца XIX — начала XX веков. — Казань: Изд-во Института истории АН РТ, 2004. — С.40-41.
2. Горбачев И. А. Товарищества полные, на вере, кредитные, ссудо-сберегательные, трудовые и с переменным капиталом. Акционерные и паевые компании. Закон и практика с сенатскими разъяснениями /Сост. И.А.Горбачев. — М.: Типография П.П.Рябушинского, 1910. — 712 с.
3. См.: Золотые страницы купечества, промышленников и предпринимателей Татарстана / Р.У. Амирханов, Р.Р. Салихов, Р.Р. Хайретдинов и др. В 2 томах. — Казань: Яналиф, 2001. — 2 т.

нов, Р.Р. Салихов, Р.Р. Хайретдинов и др. В 2 томах. — Казань: Яналиф, 2001. — 2 т.

4. Обзор Казанской губернии за 1897 год. — Казань: Типография губернского правления, 1898 год. — С.28; Обзор Казанской губернии за 1908 год. — Казань: Типография губернского правления, 1910 год. — С.27.

5. Состояние счетов Казанского купеческого банка к 1.01.1884 г.// Вестник финансов, промышленности и торговли. Балансы частных кредитных учреждений. — Т.1. — 1884. — № 3. — С.95; Состояние счетов Казанского купеческого банка к 1.01.1900г.// Волжский вестник. — 1900. — № 3. — С.4; Состояние счетов Казанского купеческого банка к 31.12.1907 г.// Вестник финансов, промышленности и торговли. Балансы государственных и частных кредитных учреждений. — СПб.: Типография Редакции периодических изданий Министерства финансов, 1908. — С.92; Состояние счетов Казанского купеческого банка к 1.01.1917 г.// Вестник финансов, промышленности и торговли. Отчеты обязанных публичной отчетностью предприятий. — 1917. — № 32. — С. 881.

6. Вестник финансов, промышленности и торговли. Указатель правительственных распоряжений по Министерству финансов. 1904 год. Отчеты кредитных учреждений, торговых и промышленных предприятий. — СПб.: Типография Министерства финансов, 1904. — С.703.; Вестник финансов, промышленности и торговли. Указатель правительственных распоряжений по Министерству финансов. 1916 год. Балансы государственных и частных кредитных учреждений. — Петроград: Типография редакции периодических изданий Министерства финансов. — 1916. — №4. — С.53.

7. НА РТ. — ф. 349. — оп. 1. — д. 21. Отчеты о действиях Казанского купеческого банка за 1912 год. — С.3.

8. Национальный Архив Республики Татарстан: Фонд 146 — Казанское отделение Азовско-Донского коммерческого банка; Фонд 147 — Казанское отделение Санкт-Петербургского международного коммерческого банка; Фонд 123 — Казанское отделение Государственного банка; Фонд 145 — Казанское отделение Русско-Азиатского коммерческого банка.

9. Устав Казанского купеческого банка. — Казань: Типофотография ТД «В.Еремеев и А.Шашабрин», 1911 — С.11.

10. Боханов А. Н. Крупная буржуазия России (конец XIX — 1914 г.) /А. Н. Боханов. — М.: Наука, 1992 — С.182; Лавров В.В. Акционерно-паевые предприятия России //Под ред. В.В. Лаврова. — М., 1917. — С.142.

11. Грановский Л.Е. Монополистический капитализм в России /Л.Е.Грановский. — Ленинград: Прибой, 1929. — С.9, 21.

12. НА РТ. — ф.3. — оп. 1. — д.7639. Дело по отчету Казанского Общества взаимного кредита за 1913 год. — С.27, 28.

13. Отчет о действиях Казанского Общества взаимного кредита (основанного в 1871 году) за 1916 год и список членов Казанского Общества взаимного кредита к январю 1917 года. — Казань: Центральная типография, 1917. — С.11 — 15.

САЕТГАРАЕВ Ильдар Искандарович, аспирант.

Дата поступления статьи в редакцию: 28.06.2007 г.

© Саетгараев И. И.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОМОЩЬ КРЕСТЬЯНСКИМ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИМ ХОЗЯЙСТВАМ СТЕПНОГО КРАЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Крестьянские переселения в пореформенный период традиционно находились в центре внимания отечественной историографии. Однако вопросы оказания помощи переселенцам оставались в определённой степени вне поля зрения историков. Несмотря на то что в организации крестьянских миграций имелись значительные недостатки, тем не менее правительственными органами, в первую очередь на местах, проводился ряд мероприятий, способствовавших адаптации переселенческих хозяйств в местах водворения. Статья посвящена изучению финансовой, материальной и организационной помощи мигрантам, оказывавшим решающее влияние на динамику стационарных миграций.

Аграрный вопрос в пореформенной России являлся одним из центральных в политике правительства. Импульс, заданный крестьянской реформой 1861 г., явно исчерпал себя к 90-м гг. XIX в. Издержки этой реформы, проявлявшиеся в латифундальном характере помещичьего землевладения, малоземельи крестьян и непомерных выкупных платежах, существенно тормозили развитие капиталистических отношений в аграрном секторе. Высокие темпы промышленного развития страны не сопровождались таким же значительным увеличением ресурсов в деревне. Низкими оставались урожаи, составляющие в среднем сбор зерна на душу населения в нечерноземных губерниях России 14 пудов при норме потребления 17,4 пуда [1].

Развитие фабрично-заводского производства приводило к истощению важного источника крестьянского дохода, представленного промыслами и ремёслами. Крестьянские товары не выдерживали конкуренции с товарами машинного производства ни по цене, ни по качеству. Главным мерилом зажиточности крестьян было наличие определённого количества скота: лошадей и коров. Однако 10% крестьянских хозяйств находились в состоянии крайней бедности, поскольку не имели даже коровы, а 25% - являлись безлошадными. В целом бедняки на селе составляли почти 50% от всей численности крестьянства.

Все вышеназванные обстоятельства способствовали тому, что крестьянство, самовольно покинув нажитые места, уходило в восточные губернии Российской империи, к числу которых, наряду с Сибирью, относилось и Степное генерал-губернаторство (широко распространенное неофициальное название — Степной край), образованное в 1882 г. и включавшее в свой состав Акмолинскую и Семипалатинскую области и до 1898 г. - Семиреченскую.

В настоящем исследовании, не претендуя на полное раскрытие темы, мы рассматриваем лишь отдельные направления по государственному содействию новосёлам, которое оказывали администрации степных областей. Подобная постановка вопроса, на наш взгляд, объясняется тем, что именно от материально-технической поддержки со стороны местных органов исполнительной власти во многом зависело не только хозяйственное освоение региона и практическая реализация правительственной переселенческой

политики, но и, в определённой степени, разрешение аграрного вопроса в России в целом.

Известно, что переселенческое движение в Казахскую степь стало нарастать с 70-х гг. XIX века. Первоначально оно охватило Акмолинскую, а затем и иные области региона — Семипалатинскую, Тургайскую и Семиреченскую. По данным казахстанского исследователя С. Атушевой, только за период с 1870 по 1896 гг. на территорию степных областей переселилось 416270 переселенцев, большинство из которых разместилось на лучших плодородных землях Степного края, и в первую очередь Акмолинской области [2]. К 1896 г. в восьми уездах Акмолинской и Семипалатинской областей было образовано 43 волости, а в пользовании русского населения находилось 1,4 миллиона десятин земли [3]. Кроме того, крестьяне-переселенцы арендовали у казахского (по тогдашней терминологии — киргизского) населения более 88 тысяч десятин земли [4]. Однако, несмотря на значительное увеличение численности мигрантов, экономическое положение вновь водворявшихся являлось далеко не обеспеченным, что ставило под угрозу реализацию правительственной политики по колонизации Степного края. Как правило, данная необеспеченность проявлялась в недостатке рабочего скота и сельскохозяйственных орудий. Так, например, в Кокчетавском уезде Акмолинской области в начале 1894 г. число семейств, не имевших рабочего скота, составляло 926, а сельскохозяйственного инвентаря — 1128. Аналогичная ситуация сложилась в Петропавловском, Атбасарском и Омском уездах, где число необеспеченных хозяйств составляло соответственно 180, 86 и 38 [5].

В какой степени вновь прибывшие нуждались в пособиях, можно судить отчасти по следующим данным: в Петропавловском уезде в трёх вновь образованных селениях число нуждающихся семейств составляло 207, в распоряжении которых находились 121 лошадь и 7 голов крупного рогатого скота [6]. Таким образом, почти 2/3 крестьян-переселенцев не имели средств на домообзаводство. Учитывая данное обстоятельство, администрация Акмолинской области приступила к оказанию финансовой помощи переселенцам. Так, в частности, ещё весной 1880 г. крестьянам-переселенцам Кокчетавского уезда была выдана ссуда в размере 6000 рублей на обсеменение полей из продовольственного капитала Тобольской

губернии сроком на 1 год. Однако средний урожай 1881 г. дал возможным погасить ссуду лишь в размере 654 рублей 10 копеек. Принимая во внимание экономическое положение не вполне ещё водворившихся переселенцев, которые недостаточно были ознакомлены с почвенно-климатическими условиями новых мест, недостаток скота, незначительные размеры хлебопашества администрация вышеуказанной области исходатайствовала годовую отсрочку внесения оставшейся за ними ссуды. Кроме того, переселенческим хозяйствам вновь была выдана ссуда из того же источника на сумму 3000 рублей [7].

Осенью 1890 г. в Кокчетавский уезд было водворено около 15 тысяч душ обоего пола. Означенные крестьяне хотя и были размещены либо на вновь отведённых участках казахской земли, либо приписаны к ранее образованным крестьянским селениям, тем не менее не имели никаких средств для ведения собственного хозяйства. В этих условиях в начале 1891 г. Акмолинская областная администрация принимает решение о выдаче ссуды в размере 40640 рублей на домообзаведение. Тем не менее выделенных средств оказалось недостаточно, поскольку летом того же года хлебные запасы подверглись окончательному истреблению кобылкой и никаких видов на урожай не представлялось. В этих условиях по ходатайству Степного генерал-губернатора М. А. Таубе из общего государственного кредита на счёт Омской Казённой палаты было переведено дополнительно «... 200000 тысяч рублей для отпуска в ссуду переселенцам Акмолинской области...» [8].

Однако поступление выделенного шло крайне медленно, о чём свидетельствовали многочисленные донесения из уездов. Так, в частности, Кокчетавский уездный начальник в своём рапорте от 21.10.1891 г. на имя Акмолинского губернатора сообщал, что предназначенная в его распоряжение сумма «... в размере 10 тысяч рублей на продовольствие голодающего населения... ещё не поступила, между тем встречается необходимость в них по заготовлению... продуктов» [9]. Означенная сумма была отправлена только 4.12.1891 г. [10].

Оказание продовольственной помощи вновь водворявшимся продолжалось и в дальнейшем. В первую очередь она оказывалась тем лицам, которые переселились без официального на то разрешения и терпевших значительные лишения, о чём наглядно свидетельствует прошение крестьянина Феодосия Воробьёва, адресованное на имя Великого князя Михаила Николаевича: «Переселившись весной 1901 г. на жительство из Киевской и Полтавской губерний в урочище Джарта-Семипалатинской области... общество переселенцев терпит страшную нужду из-за неурожая и бескормицы, не получая никакой помощи от местной власти, почему население обречено к вымиранию» [11].

Следует заметить, что независимо от правового статуса переселенцев — переселившихся с содействия правительства или самовольно — рассматриваемый нами вид помощи предоставлялся всем водворившимся без исключения. Так, например, в своём рапорте от 12.01.1902 г. на имя военного губернатора Семипалатинской области Усть-Каменогорский уездный начальник отмечал: «Так как отпущенные по представлению моему... деньги 399 руб. 75 коп. на покупку продовольствия уже израсходованы, то... имею честь просить распоряжения... об отпуске... на тот же предмет ещё 500 руб.» [12].

В середине 90-х гг. XIX в., когда среди переселенцев заметно возросла прослойка бедноты, происходит заметное увеличение ссудной помощи переселенцам. Так, в 1894 г. на домообзаведение, продовольствие, обсеменение полей, покупку рабочего скота и сельскохозяйствен-

ного инвентаря было отпущено в распоряжение Акмолинской областной администрации из фонда вспомогательных предприятий Сибирской железной дороги 41200 рублей, из которых было израсходовано на вышеуказанные цели 36539 рублей, в том числе по уездам: Кокчетавскому — 14947, Петропавловскому — 10676, Акмолинскому — 8716, Омскому — 1500 и Атбасарскому — 700 рублей соответственно [13]. В 1895 г. и по 1 августа 1896 г. из вышеуказанного источника было отпущено 8002 семьям 418839 рублей 94 копейки [14].

Вопрос об увеличении ссудной помощи новосёлам неоднократно поднимался правительственными чиновниками, хорошо знавшими переселенческое дело. Так, в частности, статс-секретарь А. Н. Куломзин после поездки в восточные регионы России в 1896 г. считал, что установленная правительством ссуда в размере 100-160 рублей является недостаточной для большинства переселенческих семей. Вместе с тем он отмечал, что нуждающиеся переселенцы в отдалённых степных районах полностью денежную ссуду так и не получали, поскольку средний её размер составлял 71 рубль 20 копеек на семью, а в отдельных местах и того меньше — 51 рубль 28 копеек [15].

Денежные ссуды, выдаваемые на семью, в соответствии с законом от 13.07.1889 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казённые земли и о порядке перечисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время» подлежали обязательному возврату. Контроль за исполнением данного правового акта был возложен, в первую очередь, на местные органы исполнительной власти, о чём неоднократно напоминала канцелярия Степного генерал-губернатора. Так, в частности, в письме от 14.07.1891 г. за № 3063 на имя Акмолинского губернатора особо отмечалось, что любой предоставленный кредит должен быть употреблён по назначению «... с условием возврата оного в течение пяти лет, считая с 1 августа равными частями — в первые три года без взимания процентов, а в последующие — с платежом 3% на оставшуюся в долг сумму» [16].

Кроме выдачи денежных ссуд на домообзаведение, правительственные органы приходили на помощь переселенцам в случаях нужды выдачей продовольственных ссуд из сельских хлебозапасных магазинов, учреждённых ещё Петром I. Так, в частности, зимой 1896 г. 42 семьи деревни Борисовка Омского уезда воспользовались данной ссудой в размере 170 рублей 86 копеек ввиду неурожая зерновых культур 1895 г. [17]. Следует заметить, что размер предоставляемой ссуды во многом определялся как количеством скота, так и площадью пахотной земли. Не случайно, чем больше жилого инвентаря имели поселенцы, тем меньше они пользовались финансовой помощью. Так, например, 90,2% жителей указанной деревни имели не менее двух лошадей или четырёх волов, что позволяло им, с одной стороны, свободно распахать мягкие земли, а с другой — обходиться без посторонней помощи [18].

Успешность крестьянской колонизации степных областей во многом зависела также и от устройства жилищ мигрантов, так как, прибыв на новые места в большинстве с ограниченными средствами, переселенцы вынуждены были оседать в глухой безлюдной степи, среди кочевников — казахов, а потому сколько-нибудь сносное их устройство в течение первых двух лет требовало особой правительственной помощи. В то же время в силу ряда причин — недостаток времени на вырубку леса, отпускаемого крестьянам на постройку изб, отсутствие перевозочных средств на вывоз леса — новосёлы были не в состоянии в первое же лето построить себе избы. Для облегчения пересе-

ленцам возможности получить лесной материал, администрация Степного края стала открывать в Акмолинской и Семипалатинской областях лесные склады вблизи переселенческих поселений.

Первоначально предполагалось отпускать новосёлам строительные материалы бесплатно, как это делалось в лесных районах, где, согласно разработанным Комитетом Сибирской железной дороги «Временным правилам для образования переселенческих и запасных участков в районе Сибирской железной дороги» от 13.06.1893 г., переселенцы получали в надел наряду с 15 десятинами земли 3 десятины леса [19]. Но на практике этого не произошло, так как, не располагая достаточными средствами, лесные склады не смогли наладить самостоятельную заготовку материалов. Более того, они попали в зависимость от частных лесопромышленников, переплачивая последним за доставку леса в степные районы. Строительный лес отпускался бесплатно только тем переселенческим посёлкам, которые отстояли от лесных дач не менее чем 50-75 вёрст. Следует заметить, что в Степном крае многие крестьянские поселения создавались в местах или совершенно безлесных, или удалённых от лесных дач на 100 - 150 вёрст. Переселенцы, имевшие одну лошадь или быка, могли заготовить необходимый материал только за 9-15 месяцев. Тем, кто имел средства, выгоднее было покупать лес, а неимущим новосёлам чиновники рекомендовали строить дома из саманного кирпича, полагая, что за саманными постройками «...имеются преимущества, как-то: теплота, прочность и безопасность в пожарном отношении» [20].

Таким образом, лесные склады, основанные в соответствии с особым положением Комитета министров от 4.07.1897 г., не оказали новосёлам обещанного правительственными и местными чиновниками существенного содействия.

Несмотря на то что области Степного края являлись наиболее благоприятными для развития земледелия, тем не менее площадей, удобных для крестьянской оседлости, было не всегда достаточно ввиду отсутствия пресноводных источников. По мере того как всё большее количество переселенческих участков создавалось в отдалённых и трудных почвенно-климатических районах, возрастало значение гидрологических изысканий. Так в 1892 г. в Акмолинскую область была направлена горная экспедиция для производства геологических исследований и разведочных гидротехнических работ [21]. Участники экспедиции, детально обследовав территорию Омского и Кокчетавского уездов, определили местности, пригодные для переселенческих поселений, посредством устройства простых колодцев. Кроме того, ими было рекомендовано создавать буровые скважины, с помощью которых можно было образовывать целый ряд постоянных источников воды.

Однако, несмотря на данные рекомендации, землеотводные работы нередко проводились в отрыве от гидротехнических изысканий. Так, например, из 63 переселенческих участков, запроектированных в 1893-1894 гг. особой межевой партией в Петропавловском и Омском уездах, только 3 были расположены при реках Ишим и Иртыш, 27 — при озёрах с более или менее годной питьевой водой, 33 — в таких местностях, где вода добывалась из колодцев, заполнявшихся далеко не всегда [22].

Для полного удовлетворения потребностей переселенцев в воде крайняя администрация признала необходимым устроить 440 колодцев таким образом, чтобы 1 колодец приходился на 15 дворов [23]. Так к 1.09.1896 г. гидротехнической партией были произве-

дены обводнительные работы на 33 участках, где было устроено более 100 колодцев [24].

Следует заметить, что проводимые гидротехнические изыскания носили общий характер и сводились, в основном, к рекогносцировке местности. Специальные же изыскания выражались в рытье колодцев или бурении скважин, что явно не устраивало ни новосёлов, ни крайнюю администрацию. Так, в частности, в одном из донесений в канцелярию Степного генерал-губернатора отмечалось, что «одни колодцы не могут быть признаны вполне совершенным и устойчивым способом водоснабжения переселенческих посёлков, а посему необходимо часть денежной суммы, отпускаемой на устройство колодцев употребить на ведение гидротехнических работ, направленных к накоплению и сбережению зимних атмосферных осадков, а также... вести... работы для уменьшения площади испаряющейся поверхности озёр и увеличению глубины посредством создания береговых дамб» [25].

Рост удельного веса русского крестьянства и широкое распространение земледелия в Степных областях вызвало потребность в опытных агрономических кадрах. Началом становления агрономической службы Азиатской России следует считать созыв агрономических совещаний весной 1910 г. в ряде крупных сибирских городов, в том числе и в административном центре Степного генерал-губернаторства г. Омске, основной целью которых являлось выяснение и разработка деятельности сельскохозяйственного ведомства по оказанию необходимой агрономической помощи вновь переселившимся крестьянам. Заключение данных совещаний послужило основанием к определению необходимых на первое время средств для осуществления агрономических начинаний. Так, в частности, в смету Департамента земледелия на 1911 г. участники совещаний рекомендовали заложить сумму в размере 780 тыс. рублей, предназначенную на приглашение агрономического персонала, организацию опытных полей, распространение передовых сельскохозяйственных знаний, на улучшение животноводства и молочного хозяйства и т. д. [26]. В то же время отмечалось, что агрономическая помощь будет оказываться исключительно русским крестьянским хозяйствам, как вновь водворившимся, так и старожильческим. В отношении казахского населения подобные начинания не предусматривались.

Одновременно участники совещаний высказали настоятельную просьбу сконцентрировать «...заведование всеми видами агрономической помощи земледельческому населению...в заселённых местах Азиатской России...» на правительственном уровне [27]. Учитывая данные пожелания, а также особенности колонизируемых территорий, руководство Главного управления землеустройства и земледелия (далее по тексту — ГУЗиЗ) принимает решение о создании отдельной агрономической службы в составе Департамента Земледелия. Летом 1911 г. по инициативе вышеупомянутого органа были созданы агрономические организации в Акмолинской и Семипалатинской областях, основными направлениями деятельности которых являлись: во-первых, проведение сельскохозяйственных чтений и бесед.

Так, начиная с ноября 1911 г. Акмолинским уездным агрономом началась регулярное проведение бесед с целью пропаганды передовой агрокультуры в переселенческом селе Алексеевском, на которых присутствовали «...наиболее развитые и положительные хозяева...» [28]. Кроме того, по просьбам вновь водворившихся крестьян тем же лицом проводились и разовые беседы по отдельным вопросам полеводства и животноводства.

Подобного рода чтения, как систематические, так и разовые, проводились и Кокчетавским уездным агрономом в 32 переселенческих посёлках, а также старшим инструктором сельского хозяйства в 30 крестьянских селениях Омского уезда [29].

Аналогичные сельскохозяйственные чтения проводились и в Семипалатинской области, где основное внимание уделялось пропаганде кооперации. Не случайно, что результатом данной деятельности явилось образование четырёх маслодельных артелей.

Наряду с проведением бесед в ряде уездов области стали открываться специализированные тематические курсы. Так, например, в Семипалатинском уезде по инициативе областной администрации были организованы курсы по пчеловодству, слушателями которых являлись 14 человек, в том числе 9 — за казённый счёт [30].

Учитывая важность подобных начинаний, Департамент ГУЗиЗ оказывал посильную финансовую помощь. Так, в частности, на организацию и проведение сельскохозяйственных бесед, а также устройство различного рода курсов в Семипалатинской области было ассигновано 467 руб. 22 коп. [31].

Вторым пунктом являлось создание опытно-показательных участков.

В развитии данного направления деятельности агрономической службы активное участие принимал Степной генерал-губернатор Е. О. Шмидт, рекомендовавший «ставить опыты не на лучших землях, а на средних, типичных, даже скорее ниже средних, и по мере необходимости выбирать места для опытных полей в центре русских посёлков» [32]. В 1911 г. только в Акмолинской области было заложено 10 подобных участков, в том числе по уездам: в Кокчетавском — 2, Петропавловском — 3, Омском — 5 [33].

В-третьих, очистка, протравливание и продажа семян крестьянам - переселенцам.

Очистка семенного материала была организована ещё осенью 1910 г. Переселенческим районом и уже к весне 1911 г. через куклеотборники было пропущено зерна: в Омском уезде — 12500 пудов, Петропавловском — 28592 пуда, Кокчетавском — 30000 пудов. Благодаря очистке сортированным, чистым зерном было засеяно свыше 5 тысяч десятин. О важности очистки зерна свидетельствует тот факт, что у 19 хозяев с. Марковка Павлоградской волости, протравивших семена, урожай с десятины составил 32,5 пуда, в то время как у остальных — 5,5 пуда [34].

Широкое распространение земледелия в Степном крае способствовало и созданию специализированных сельскохозяйственных школ, которые с содействия администраций степных областей были учреждены в Павлодаре, Усть-Каменогорске и Атбасаре.

Таким образом, крестьянские переселения в Степной край в конце XIX - начале XX вв. способствовали не только широкому распространению земледелия, но и дальнейшей колонизации региона, что, в свою очередь, вынудило правительственные органы перейти от политики сдерживания миграции к оказанию посильной помощи переселенцам. О важности государственного содействия новосёлам красноречиво свидетельствовали многочисленные крестьянские заявления, поступавшие как в областные администрации, так и в краевые органы с просьбами о помощи в деле освоения новых территорий. Несмотря на то что государственная помощь быстро развивалась, тем не менее она была далека от совершенства, что проявлялось как в недофинансировании, так и в недостаточной материально-технической поддержке. Дан-

ные обстоятельства, несомненно, влияли на хозяйственное освоение степных областей.

Библиографический список

1. Муравьёва Л. А. Аграрный вопрос в России в конце XIX — начале XX вв. // Финансы и кредит. - М. 2004. - № 4. С.34.
2. Атушева С. Переселенческая политика царской России и кризис традиционного казахского общества. // Мысль. - 2000. - С. 70 — 72.
3. Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России. Алма-Ата: Наука. - 1981. - С. 138.
4. Там же.
5. Обзор Акмолинской области за 1894 год. Омск. 1896. — С. 12.
6. Там же. - С. 8.
7. Обзор Акмолинской области за 1881 год. Омск. 1894. — С. 8.
8. ЦГА РК, Ф. 369, Оп.1, Кн. 3, Д. 4551, Л.1.
9. Там же, Л.18.
10. Там же, Л.36.
11. ЦГА РК, Ф.15, Оп.1, Д.2183, Л.39.
12. Там же, Л.18.
13. Обзор Акмолинской области за 1894 год. Омск. 1896 — С. 12.
14. Обзор Акмолинской области за 1895 год. Омск. 1897. — С. 12.
15. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб. 1903. — С. 263; Морозов А. Переселенческие посёлки Омского уезда. // ЗСОИР-ГО. Омск.1900, кн. XXVII. — С. 4.
16. ЦГА РК, Ф.369, Оп.1, Кн.3, Д. 4551, Л.3.
17. Морозов А. Указ. соч. С. 5.
18. Там же.
19. Трувеллер Б. Лесные склады Переселенческого управления. // Вопросы колонизации. — 1905. № 5. — С. 312 — 313; Тихонов Б. В. Переселенческая политика царского правительства в 1892 — 1897 гг. // История СССР. — 1977. №1. — С.111.
20. Обзор Акмолинской области за 1895 год. — С. 12; Молодых И. А. Лесные склады Переселенческого управления и предстоящие им задачи. СПб. 1906. Вып. XXV. — С. 17.
21. Обзор Акмолинской области за 1894 год. — С. 12.
22. Там же.
23. Обзор Акмолинской области за 1898 год. Омск. 1900. — С.12.
24. Обзор Акмолинской области за 1895 год. — С. 13.
25. Цит. по: Обзор Акмолинской области за 1895 год. Омск 1897. — С. 13.
26. Краткий обзор деятельности правительственной агрономической организации в Сибири в 1911 году. СПб. 1912. — С. 8.
27. Там же.- С. 9.
28. Там же. — С. 97.
29. Там же.
30. Там же. — С. 114.
31. Там же.
32. Там же.- С. 102.
33. Там же. — С. 93.
34. Там же.

СОРОКА Николай Николаевич, старший преподаватель кафедры правоведения и методики преподавания права.

Дата поступления статьи в редакцию: 08.10.2007 г.

© Сорока Н. Н.

ВЗГЛЯДЫ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ЧИНОВНИКОВ ПО ВОПРОСАМ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Деятельность государственных служащих в настоящее время находится в центре внимания высших органов власти и управления страны. Связано это с недостаточным историческим изучением чиновничества, которое позволило бы разобраться в причинах таких проявлений, как бюрократизм, формализм в делах, безответственность и злоупотребление служебным положением. Материал статьи дает возможность познакомиться с воззрениями либеральных чиновников по вопросам развития Сибири в предреволюционный период и понять истоки нынешних проблем в деятельности государственного управления.

Характерной чертой общественной жизни России в начале XX века была активизация научных, благотворительных, просветительских и обществ и организаций, деятельность которых неразрывно были связаны с развитием в стране общественного движения [1. С. 64 - 94]. Наиболее крупнейшими были сибирские отделы Московского общества сельского хозяйства и Русского географического общества. Особое значение приобрели местные комитеты межведомственного Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, действовавшего в 1902 - 1903 гг., так как им была предоставлена возможность гласного обсуждения больных вопросов. В Сибири научно-просветительские организации и местные комитеты приобрели особый общественно-политический характер, так как стали в связи с отсутствием в Сибири земских учреждений основными центрами консолидации сил либерального лагеря накануне революции 1905-1907 гг.

В начале XX века к наиболее дискуссионным вопросам относилась оценка проведения рельсового пути. Многие чиновники в своих высказываниях положительно оценивали роль железной дороги, предавая ей «не только местное значение, но и общественное и даже мировой» [2. С. 34]. Управляющий Отделом казенной палатой И. Н. Хроновский отмечал, что самое главное значение путей сообщения заключалось во влиянии их на цены товаров и стоимость передвижения людей с одной местности в другую [3. С. 97 - 107]. Указывали на явные преимущества, такие как «открытие новых рынков сбыта и доступ переселенцев из Европейской России» [2. С. 35], предлагали дополнительные меры по развитию железной дороги и усилению ее экономического влияния на регион [2. С. 35]. В частности считали необходимым «усилить провозоспособность дороги, провести дополнительные разветвления железнодорожных путей» [2. С. 1 - 6, 35], ввести дополнительные капиталы и новые знания [2. С. 35]. Однако по мнению чиновников железная дорога являлась неожиданным фактором для сельского населения, которое оказалось неприспособленным к новым экономическим требованиям. Основным

утверждением было то, что железная дорога нарушала естественную эволюцию крестьянского хозяйства, вместо постоянной его перестройки сибирская деревня, под влиянием железной дороги испытала «коренную ломку всего экономического строя» [4. С. 39]. В числе негативного воздействия называлось затруднение развития обрабатывающей промышленности в крае и снижение благосостояния сельского населения в связи с переселением. Эти высказывания тяготели к либерально - народнической позиции, в основе которой лежало восприятие Сибири как сырьевого придатка и рынка сбыта для торгово-промышленной буржуазии европейской части России.

Роль железной дороги определялась в тесной взаимосвязи с вопросом о развитии хлебопроизводящего хозяйства края. Чиновники констатировали, что сибирское крестьянство, всегда занимаясь натуральным хозяйством, имело возможность торговать хлебом. Общее мнение утверждало, что в начале XX века появился застой в торговле хлебом, вызванный отсутствием хороших путей сообщения [5. С. 30]. Особенно негативное влияние, по мнению чиновников, оказала Челябинская тарифная формула, которая отдаляла для Сибири заграничные рынки сбыта, серьезно снижая доходность зернового производства Сибири. К тому же противники «Челябинского перелома» констатировали, что в «Сибири нет больших запасов хлеба, скопленных за ряд лет, которые двинулись бы на рынок и задавили хлеб хозяев Европейской России» [6. С. 117]. Низкие цены на хлеб, их сезонные колебания, господство скупщиков на хлебном рынке — все это так же приводило к разорению крестьянского хозяйства. В связи с этим либералы предлагали развитие кооперативной или казенной скупки и продажи хлеба с предоставлением крестьянам кредита под сданный хлеб. Эти меры должны были обеспечить выгодный сбыт и поддержать благосостояние всего крестьянства, избавив от необходимости продавать осенью хлеб скупщикам по низким ценам, а весной «покупать его у скупщиков по дорогой цене» [6. С. 119]. Инспектор Курганского уезда В. И. Куркин

настаивал на введении базарных и ярмарочных правил, которые должны были урегулировать торговлю хлебом [7. С. 166 - 169]. Таким образом, местные либералы не решались выдвинуть требование отмены Челябинского тарифа, который задерживал хлеб в Сибири и лишал ее притока капитала, а всего лишь смирясь с ситуацией искали другой выход в Северном морском пути, хотя он и был намного разорительнее для крестьян. В качестве более выгодного вывоза хлеба чиновниками предлагались следующие меры: развитие железнодорожной сети, движение хлеба без пересадки [8. С. 17], сокращение перевозной стоимости и перевозить «в неурожайные годы по дешевому тарифу только казенный хлеб» [2. С. 45]. В целом, пытаясь добиться расширения вывоза сибирского хлеба, чиновники фактически отставили интересы зажиточных хозяев. Хлебопроизводящая деятельность бедного крестьянства не стала объектом внимания чиновников.

Среди либеральных чиновников господствовали те же представления об аграрном кризисе как результате неудовлетворительного состояния хлебного рынка, что и среди российских либералов, но если в европейской части России сводили кризис к ухудшению мировой хлебной конъюнктуры, то их сибирские единомышленники не поднялись выше узко региональных проблем. В обсуждении экономических вопросов чиновники обнаружили стремление найти такие меры, которые обеспечивали бы стабильность всего крестьянского хозяйства в целом, отразившиеся в пожеланиях урегулировать торговлю сельскохозяйственными продуктами.

Соединение Сибири и европейской части России железнодорожной магистралью привело к усилению спроса на продукты скотоводства, особенно маслоделие. Чиновники констатировали, что крестьянству было выгодно заниматься маслоделием. Помощник управляющего государственным имуществом Акмолинской области, надворный советник В. Н. Королев писал, что «продавая масло, крестьяне за это получают большие деньги и не занимаются продажей зерновых продуктов» [9. С. 18]. Маслоделие приносило доход в крестьянскую семью, благотворно влияло на технику хозяйства и повышало доходность крестьянского скота [10. С. 1 - 12]. Однако данная ситуация не способствовала развитию сельского хозяйства, а приводила лишь к торговле животными продуктами [9. С. 17]. Чиновники отмечали тот факт, что в развитии сибирского маслоделия не были использованы все потенциальные возможности: производство осуществлялось в значительной степени вручную, на карликовых, разбросанных по обширной территории заводах. Поэтому предлагали ввести опытные станции, обеспечить ледниками вагоны и увеличить их количество, улучшить и упростить транспортировку масла, пригласить инструкторов по производству [9. С. 18]. По словам правительственного агронома Тобольской губернии Н. А. Скалозубова, сами крестьяне просили улучшить их деятельность, а именно помочь им устроить маслодельню с сепараторами, организовать артели и научить изготавливать высшие сорта масла [11. С. 17 - 20, 26 - 28]. О необходимости такого рода помощи крестьянству говорили Чиновник особых поручений при Переселенческом управлении, надворный советник А. А. Станкевич [12. С. 7] и правительственный агроном Томской губернии И. К. Окулич, соглашались с тем, что артельное дело находится в упадке. По словам И. К. Окулича, «страдало оно от недостатка единения, сознания общнос-

ти своих польз и нужд в среде крестьянского населения, знаний и капитала» [13. С. 55]. Особенной критике он подверг неравную конкуренцию между артелями, общественными заводами и частными предпринимателями, которые часто являются должностными лицами разных ведомств, имеющими власть среди крестьянского населения [13. С. 55]. Так, например, купцы-промышленники не нуждались в посредниках, сами торговали, и их капиталоборот совершался гораздо быстрее. И. К. Окулич и Н. А. Скалозубов предлагали следующие меры: необходимо «учредить при Московском обществе сельского хозяйства особый Комитет по образцу Комитета ссудо-сберегательных товариществ, ввести должность агентов-представителей русского сельского хозяйства» [13. С. 60, 67]. В пределах сибирских уездов и губерний считали необходимым «ввести местные испытательные по молочному хозяйству станции, лаборатории, которые помимо производства научных исследований были бы оборудованы в целях приготовления чистых культур молочно-кислых бактерий на продажу» [13. С. 68].

Маслоделие способствовало высвобождению крестьянства из под власти торгово — ростовщического капитала, улучшало технологию производства, распространяло технические знания, повышало уровень животноводства. Таким образом, чиновники были заинтересованы в развитии маслоделия, так как, по их мнению, это было большим шагом по пути капиталистического развития.

Большие надежды в укреплении крестьянского хозяйства возлагали на развитие государственного кредита, при наличии сельских банков и кредитных товариществ. Кредит повсеместно признавался фактом положительным. Однако, чиновники отмечали, что «размер кредита очень мал, и он в состоянии удовлетворить лишь часть незначительных насущных нужд» [9. С. 9]. В частности, статистик Акмолинской области Л. К. Чермак утверждал, что «нужно убрать формальности и упростить дело» кредитования [9. С. 9]. Использование кредитов предполагалось на покупку машин, маслоделен, мельниц и для найма батраков [8. С. 143, 284, 307; 14. С. 2, 8, 26, 39, 72, 103]. Особенно он был необходим для крестьян, чтобы избежать опасной зависимости от кулаков и скупщиков. Непременный член по крестьянским делам Тобольской губернии И. В. Рождественский выступал в Губернском комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности с докладом «Об организации народного мелкого кредита» [7. С. 166 - 169], в котором предлагал правила и условия выдачи кредита. Ключевой фигурой во всех кредитных операциях был сельский волостной староста, который должен был собирать заявления, «ручательства», отвечать за своевременный возврат [7. С. 145]. Однако при большом объеме полномочий старосты могли загубить систему кредитования. Управляющий томской казенной палатой И. Н. Хроновский считал, что местному населению нужны только кредитно- или ссудо-сберегательные товарищества сословные и бессословные [14. С. 7, 73]. Всеми чиновниками в качестве предостережений оговаривалась опасность бюрократизации кредитного дела.

Таким образом, либеральные чиновники показывали полное отсутствие какой-либо программы по системе кредитования. Кроме констатации того, что кредит необходим, ничего не предлагалось. В этом проявилось абсолютное ориентирование на самодержавную власть, которая, если сочтет необ-

ходимым кредитование, введет, при этом исключительно на основе своих интересов, а не исходя из реальных потребностей и особенностей региона. Чиновники пытались, в первую очередь, направить кредитование на поддержку буржуазии, которая была ущемлена в своей деятельности, так как приоритет отдавался буржуазии европейской части России.

В оценке переселенческого движения преобладали доброжелательные взгляды на новоселов, положительно оценивали их влияние на местное крестьянское хозяйство и на агрикультурный уровень. Чиновниками рекомендовались различные меры содействия переселенцам [15. С. 49 — 50, 16. С. 15 - 16]. Непременным членом по крестьянским делам Томского губернского правления А. В. Дуровым был предложен «проект относительно благоустройства переселенческих участков», предусматривавший привлечение старожилов к их окультуриванию, расчистке пашенных и сенокосных угодий к прибытию переселенцев, увеличение ссуд для новоселов [7. С. 69].

Беспокойство вызывало лишь то, что русские переселенцы теснили старожилов, нарушая сложившиеся нормы жизни и хозяйствования. В данной ситуации для чиновников было важно найти для переселенцев и старожилов такую форму сосуществования, которая была бы основана на взаимопомощи. По этому вопросу правительственный агроном Тобольской губернии Н. А. Скалозубов подготовил доклад в Московское общество сельского хозяйства на тему: «К вопросу о сельскохозяйственных нуждах переселенцев» [9. С. 29, 11. С. 16 - 49]. Он предлагал провести исследование нужд крестьян. Для этого нужны были опросные листы, сельскохозяйственные брошюры и консультации, знающих людей» [9. С. 29, 11. С. 16]. Поддерживал его член Курганского отдела Московского общества сельского хозяйства П. Н. Квитко, настаивая, что «эти сведения позволят изучить переселенческие участки и их сельскохозяйственное положение» [9. С. 49]. Помимо этого Н. А. Скалозубов утверждал в своем докладе, что старожилов переименовать «разного рода улучшения» [9. С. 29], в частности, интенсивный вид хозяйствования из европейкой России. С этой точкой зрения не согласился П. Н. Квитко, поставив под сомнение новшества переселенцев, которые в сибирских условиях могли и не быть такими уж и рациональными. В результате этот спор попытался урегулировать А. А. Станкевич своим заявлением, что надо учить ведению «сельского хозяйства и старожилов и переселенцев» [11. С. 16]. Критически оценивалась сама постановка переселенческого дела, отмечалась неудовлетворительность переселенческих участков и системы помощи переселенцам. Советник Акмолинского областного правления Т. И. Тихонова отмечал, что центральные и областные власти с недоверием относятся к переселенцам, вследствие чего «появляется слишком большая расчетливость, сопровождаемая при этом неизменной опекой, чрезмерной, совершенно не нужной и вредной централизацией и регламентацией» [7. С. 22]. Все это выражалось в недостаточности в несвоевременности выдаваемых ссуд, в малочисленности лесных складов и неподготовленности свободной плодородной земли [8. С. 19 - 45]. Таким образом, чиновник фактически выступает с критикой бюрократического отношения к делу, которое губит крестьян, особенно тех, кто возвращается.

Чиновники учитывали, что переселения способствовали развитию рыночных отношений в сельском хозяйстве, оформлению аграрной специализации территории и слоя мелкой и средней буржуазии, фактором, во многом определившим быстрое развитие капиталистических отношений. Либеральные настроения выражались в неудовольствии переселенческим делом и фактическом игнорировании проблемных вопросов, тем самым, усугубляя тот аграрно-крестьянский кризис, признаки которого чиновники так конкретно указывали.

В выступлениях либералов господствовало мнение о тяжести платежей и натуральных повинностей крестьян. Об этом особенно настойчиво говорили такие чиновники, как И. Н. Хроновский — Управляющий Томской, казенной палатой и Т. И. Тихонов — Советник областного правления Акмолинской области. По их мнению, особой значимостью отличался вопрос об устройстве и содержании дорог, который являлся для Сибири «более важным, чем для европейской России: сибирскому населению приходится идти за сотни верст и производить ремонт того пути, которым ему не приходится пользоваться» [10. с. 19]. И. Н. Хроновский отмечал «развитие дорожной и подводной повинности еще впереди, и если в настоящее время эти повинности, по выражению Сперанского, продолжают оставаться тягостными и неуравновешенными, то в ближайшем будущем они должны оказаться непосильными для населения» [10. С. 20]. Указывая на быстрый рост и обременительность земских сборов, И. Н. Хроновский в своем докладе губернский комитет о «Натуральных повинностях в Томской губернии» [14. С. 189 - 211] предлагал с крестьянского населения перевести часть обязанностей по отбыванию натуральных повинностей на представителей других сословий и государственные учреждения. Он настаивал на том, что «в противоположность дореформенному периоду, в настоящее время можно найти помимо крестьянского обложения другие источники обложения для выполнения расходов по отбыванию дорожной и подводной повинности» [14. С. 210]. Т. И. Тихонов предлагал начать с того, что уравнивать повинности на местах «привлечением к дорожной и подводной повинности не одних жителей волостей, через которые пролегают дороги, а население всего уезда» [17. С. 106]. Решить все проблемы и устранить неудобства, с его точки зрения, могли исключительно земские учреждения, которые нужно ввести на территории Сибири [14. С. 211; 17. С. 106]. Предлагалось провести коренную реформу организации заведывания натуральными повинностями, сняв административные и полицейские функции с волостного правления, сократить состав выборной сельской администрации и полиции.

Таким образом, чиновники, отметив, что натуральные повинности являлись для сибирского крестьянства разновидностью феодальной ренты, выступали за замену повинностей денежным сбором в связи с развитием товарно-денежных отношений [14. С. 175, 183 — 184, 223, 305; 8. С. 307]. При этом игнорировали прямое признание государственных налогов разорительными и не предлагали передать некоторые из них на государственное финансирование. Высказывания чиновников по вопросам налоговой политики были близки требованиям либеральных комитетов европейской части России [18. С. 150 - 216]. Однако целиком программа налоговой политики не выдвигалась, лишь высказывались относительно прямого налогообложения и повинно-

стей крестьян, что являлось умеренной критикой экономической политики самодержавия.

Либералы считали необходимым увеличение численности агрономов, ветеринаров, инструкторов молочного хозяйства и маслоделия, а также расширение в крае сети казенных складов по продаже сельскохозяйственных машин, семян, породистого скота, устройстве выставок, курсов, бесед [14. С. 2, 3, 25 – 26; 17. С. 278 – 281]. Все это, по их мнению, могло обеспечить повышение производительности и товарности крестьянского хозяйства, при этом не замечали связи между участием крестьян в торговле и их имущественным и социальным расслоением [6. С. 122]. Так, председатель ишимского совещания, старший производитель работ поземельно-устройственной партии С. В. Соколов на основе бюджетных данных пришел к обоснованному выводу, что в товарном земледелии успех сопутствует только тем хозяевам, которые ведут крупное производство с использованием наемной рабочей силы, и что «процесс будет постоянно идти к обнищанию масс крестьянских хозяйств с укреплением в силах таких, которым на пользу всякие кризисы, другими словами, основывающим свои доходы не на эксплуатации природы, а на эксплуатации, главным образом, человека». Аналогичное мнение высказал Томский правительственный агроном И. К. Окулич, надевшийся с помощью распространения дешевых сельскохозяйственных машин предотвратить «дифференциацию крестьянства». В противном случае расслоение крестьянства «может совершиться с большой легкостью и быстротой, поэтому орудия и машины надо сделать более доступными населению» [14. С. 101]. Он предлагал открыть склады с инвентарем, приспособить машины под сибирские условия, снять пошлины на сельскохозяйственные машины, выдавать ссуды на покупки, открыть мастерские и пригласить специалистов, чтобы оказывали помощь [14. С. 100 – 106]. Усугубляло ситуацию то, что переселенческое управление сделало из складов — источник дохода, который игнорировал местные потребности [14. С. 102].

Отсутствовала у чиновников определенная оценка уровня развития крестьянского хозяйства. Выказывались за желательность поощрения и покровительства интересам «лучших хозяев», применявших машины, многопольные севообороты, использовавших наемный труд, т. е. ведущих то самое интенсивное и высокодоходное хозяйство, к которому призывалось все крестьянство, — но которое по отношению к «слабым» выступало как «сильное» и за это порицалось. Были и такие, кто высказывались одновременно и за «слабых хозяев» против «сильных», и за «лучших хозяев», не видя в этом противоречия [6. С. 122]. Крестьянский начальник В. И. Чарыков, например, в Тобольском губернском комитете подал записку, в которой писал: «Крестьяне разбиваются на два слоя, резко противоположных по своим интересам: сильных, захвативших в свои руки лучшие земли, и слабых, бросающих хозяйство и делающихся батраками; в обществе появляется разлад, сильно сказывающийся в обсуждении мирских дел и вредно отказывающийся на хозяйственных отношениях крестьян». Но симпатии В. И. Чарыкова — на стороне «сильных» хозяев, «препятствием к правильному развитию местного хозяйства» он считал общинные порядки, стесняющие «проявление индивидуальности и личной инициативы отдельных хозяев» [8. С. 208 – 209]. Таким образом, затрагивая очень насущные

вопросы, чиновники не смогли найти согласия и не создали единой программы для поддержания и развития как бедного крестьянского, так и зажиточного хозяйства.

Таким образом, противостояние областнических и буржуазных воззрений не позволило сформулировать конкретных предложений по данным вопросам, а лишь прослеживались ссылки на государственную политику самодержавия. Царизм же, в свою очередь, придерживался колониальной политики, направленной на сохранение Сибири в качестве сырьевого придатка и обширного рынка для торгово-промышленной буржуазии европейской части России.

К 1902 году большинство чиновников утверждали, что Сибирь переживала переходную эпоху, когда старые устои земледельческой и промышленной жизни сменили новые экономические формы. Они поддерживали программу поощрения товарной специализации сельского хозяйства и подъема местной промышленности за счет привлечения иностранных капиталов и внешнеторговых связей [9. С. 30], но прежде всего необходимо было вооружить население агрономическими знаниями. Чиновниками были определены те сферы деятельности, которые являлись для крестьян проблемными: производство сельскохозяйственных продуктов, кредиты, кооперация, кустарные промыслы, отхожие промыслы, маслоделие, дороги, зернохранилища, упорядочение внешней и внутренней торговли, тарифы, улучшения перевозок, развитие рынков [19. С. 6]. В результате чего они нашли наиболее отвечающим положению вещей учреждение агрономической организации, и затем открытия сельскохозяйственных школ, другие же пришли к заключению о наибольшей целесообразности учреждения в губерниях сельскохозяйственных ферм с приемом учеников — практикантов.

Однако чиновники отмечали, что только улучшение техники обработки земли и повышения ее урожайности не даст желаемых результатов в тех общеэкономических, социально-политических, правовых, культурно-бытовых условиях жизни громадного большинства сельского населения, когда земледелец опутан административно-полицейской опекой и лишен прав свободно распоряжаться своей землей. В этих условиях было затруднительно развитие частной и общественной инициативы на селе, без которой, в свою очередь, был невозможен процесс подъема благосостояния народа. Программа преобразований в экономике Сибири включала расширение торгово-экономических связей внутри региона и с внешним рынком, снижения таможенных пошлин, что должно было способствовать повышению цен на сельскохозяйственные продукты и росту доходности крестьянского хозяйства, ограничение широкомасштабного сокращения крестьянских земель в ходе землеустроительных работ и предоставление крестьянам большей свободы в выборе форм землевладения и землепользования. Чиновники рекомендовали агрономические и технические меры содействия развитию крестьянского хозяйства. Обсуждая экономическое развитие Сибири, либеральные чиновники пытались сформулировать программу преобразований, которая в основном сводилась к расширению торгово-экономических связей, что должно было повысить рост доходности крестьянского хозяйства.

Таким образом, либерально настроенные чиновники довольствовались общим направлением куль-

туртрегерской деятельности, ограничиваясь целями благоустройства и повышения культурного уровня края. Рассматривая Сибирь как неразвитую, не готовую к самостоятельной общественной жизни провинцию, стремились подготовить ее к будущему интегрированию в российское общество, более развитое и готовое к серьезным внутренним преобразованиям. Вопросы, рассмотрению которых либералы уделяли особое внимание, не всегда отвечали объективным особенностям развития Сибири. Предложения их отличались характерной особенностью, как правило, в ходе обсуждений социально-экономических вопросов, внимание либеральных чиновников привлекали лишь интересы буржуазии. Все вышеизложенные предложения не способствовали бы изменению социально-экономического положения региона без коренной перестройки сибирской политики правительства.

Рассмотрение чиновниками всех вопросов социально-экономического характера показало наличие неоднородности в суждениях, где наряду с преобладанием либеральных взглядов наблюдались и консервативные тенденции. Эти настроения проявлялись в те периоды, когда чиновники, обсуждая различные негативные моменты социально-экономического положения Сибири, объясняли их лишь изменениями местных условий, а не фискальным положением в системе российского капитализма. Все вышеизложенное свидетельствует о нерешительности и умеренности взглядов по социально-экономическим вопросам. Одной из основных причин, определявших эту особенность, являлась принадлежность к государственным служащим. Также особую роль сыграли с региональными особенностями, коренившимися в своеобразии социально-экономического развития.

Отставание сибирских либеральных воззрений от общероссийских осознавалось самими чиновниками как несовпадение интересов и целей движения, что проявлялось в противопоставлении областнически понимаемых «сибирских вопросов» российским. В результате развитие капитализма в Сибири привели к падению народнических воззрений и утверждению господства либерально-буржуазных.

Библиографический список

1. Степанский А. Д. Либеральная интеллигенция в общественном движении России на рубеже XIX — XX

вв. // Исторические записки. — Т. 109. — М.: «Наука», 1983. — С. 64 — 94.

2. ГАОО. Ф. 119, оп. 1, д. 6.

3. Борзунов В. Ф. К вопросу об экономическом значении сибирской железной дороги в XIX — начале XX вв. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока: Труды конф. по истории Сибири и Дальнего Востока. / Материалы пленарного заседания и секции по истории досоветского периода, археологии и этнографии. Март, 1960. — Новосибирск: СО АН, 1960. — С. 97 — 107.

4. ГАОО. Ф. 86, оп. 1, д. 76.

5. ГАОО. Ф. 86, оп. 1, д. 116.

6. Либушкин В. Н. Деятельность местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и их влияние на развитие общественно-политической жизни Сибири начала XX века. / Дисс. ... канд. ист. наук. — Москва, 1988. — 298 с.

7. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. — Т. 53. Тобольская губерния. — СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1903. — 426 с.

8. ГАОО. Ф. 119, оп. 1, д. 5.

9. ГАОО. Ф. 119, оп. 1, д. 2.

10. Кауфман А. Сибирские вопросы в сельскохозяйственных комитетах 1902 года. // Сибирские вопросы. 1905. — № 1. — С. 1. — С. 12.

11. ГАОО, Ф. 119, оп. 1, д. 3.

12. ГАОО, Ф. 119, оп. 1, д. 7.

13. Труды съезда молочных хозяйств и деятелей по молочному хозяйству в городе Кургане при выставке продуктов маслоделия Западной Сибири в 1901 году. — Томск: Первое Тобольское отделение Императорского МОСХ, 1902. — С. 55.

14. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. — Т. 56. Томская губерния. — СПб.: Тип. Т — ва «Народная польза», 1903. — 426 с.

15. ГАОО. Ф. 86, оп. 1, д. 92.

16. ГАОО. Ф. 119, оп. 1, д. 4.

17. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. — Т. 54. Степной край. — СПб.: Тип. В. Киршбаум, 1903. — 120 с.

18. Симонова М. С. Земско-либеральная фронда (1902-1903 гг.). // Исторические записки. — Т. 91. — М.: «Наука», 1973. — С. 150 — 216.

19. ГАОО. Ф. 119, оп. 1, д. 8.

ОВЧАРЕНКО Оксана Николаевна, аспирант.

Дата поступления статьи в редакцию: 27.09.2007 г.

© Овчаренко О. Н.

Книжная полка

История российской государственности: учеб. пособие / [ред.-сост. Л.А. Коханова, Т.С. Алексеева]. — Изд. 3-е, стереотип. — М.: МГИУ, 2007. — 336 с. — ISBN: 978-5-276-00984-1.

Настоящее учебное пособие предназначено для самостоятельного изучения истории российской государственности в системе дистанционного обучения. В нем показано, как формировались отечественные традиции, эволюционировали структуры, институты и механизмы государственной власти и политической деятельности по мере становления российского государства. В сборнике использованы материалы отечественных и зарубежных авторов. Данное пособие в комплексе — аудио-, видео-, печатный материал — поможет читателям более глубоко изучить историю России.

УДК 94.47. ББК 63.3(2)

ПРОБЛЕМА ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА В СЕВЕРНЫХ РАЙОНАХ ТОБОЛЬСКОЙ, ТЮМЕНСКОЙ ГУБЕРНИЙ В 1917-1923 гг.

В статье рассматриваются некоторые аспекты аграрной политики советской власти в 1917-1923 гг. на примере Севера Западной Сибири. Автор выделяет особенности процессов землеустройства в отдаленных районах Севера.

Освещение проблем, связанных с состоянием, развитием, совершенствованием процессов землеустройства находилось в центре внимания отечественных историков, как в советский период, так и на современном этапе развития исторической науки. В статье предпринимается попытка рассмотреть некоторые аспекты землеустроительной политики советской власти в 1917-1923 гг. на примере Обь-Иртышского Севера — региона, который входил в административное подчинение Тобольской, а затем (с октября 1919 г.) Тюменской губерний¹. На основе анализа имеющейся историографии выделяются особенности процессов землеустройства в отдаленных районах Крайнего Севера.

Указанный период (1917-1923 гг.) по сути, совпадает с хронологическими рамками аграрной революции в стране, происходящей, как известно в 1917-1922 гг. В частности, В. П. Данилов, исходя из особенностей аграрных преобразований нашей страны, определял этот период как «великая аграрная революция»². Волна политических преобразований, последовавших после Октября 1917 года в России, докатилась на Обь-Иртышский север довольно поздно³, однако не обошла Север, нарушив размеренную и традиционную жизнь его жителей⁴.

«Триумфальное шествие» советской власти позволило большевикам начать первые экономические преобразования, важнейшие из которых были связаны с решением аграрного вопроса. Декрет о земле состоял из двух частей. В первой части говорилось о передаче конфискованных земель в распоряжение местных земельных органов, во второй провозглашались принципы землепользования, основанные на уравнительном праве с периодическими переделами в зависимости от прироста населения⁵.

Н. Я. Гущин считал, что реализация декрета о земле стала важнейшим фактором развития и укрепления позиций советского государства с точки зрения ее влияния на деревню⁶. Историк полагал, что несмотря на сравнительно высокую обеспеченность землей, совсем не означало, что в Сибири земельный вопрос снимался с повестки дня⁷. Остроту аграрного вопроса в Сибири, по его мнению, придавали различия в обеспеченности землей отдельных селений и крестьян различных социально-экономических и юридических категорий⁸.

Разрешение земельного вопроса в Сибири предполагалось произвести по двум направлениям: путем ликвидации казенного, частновладельческого, церковно-монастырского землевладения и передачи абсолютного большинства этих земель крестьянству; путем передела земли внутри сельских общин с це-

лью улучшения землепользования в количественном и качественном отношении различных категорий крестьянского населения⁹.

Н. Ф. Иванцова считает, что Декрет о земле был безоговорочно и повсеместно поддержан западно-сибирским крестьянством. Принятые на губернских и уездных съездах положения и инструкции были направлены на ликвидацию кабинетского, казенного, частновладельческого, церковно-монастырского видов землевладения. При этом особое значение придавалось обеспечению безземельного и малоземельного населения достаточным для ведения хозяйства количеством земли и осуществлению принципов уравнительного землепользования. Большая часть земель была передана безземельным беженцам, переселенцам, коммуналам.

Н. Ф. Иванцова подчеркивает, что в ряде первых советских законов решались крестьянские вопросы лесопользования. Местным органам удалось организовать охрану и рациональное использование леса¹⁰. Однако, применительно к северу, эти законы не действовали в изучаемый период.

В Тобольской губернии осуществление Декрета о земле положило начало разрешению аграрного вопроса, обеспечению переселенцев землей¹¹. На местах крестьянские общества взяли под контроль вопросы использования домохозяевами земли, добываясь увеличения посевных площадей. Советы принимали меры, направленные на совершенствование агротехники и культуры земледелия. Первое советское аграрное законодательство предоставило крестьянам свободу выбора форм хозяйствования и создало условия для превращения его в свободного хозяина. Однако практическую деятельность центральных органов уже в первой половине 1918 года отличали диктат, администрирование и курс на превращение земли в собственность государства.

В Тобольской губернии были организованы комиссии из членов уездных земельных съездов¹². В некоторых районах этим занимались земельные отделы, созданные при советах, но, тем не менее, земельный вопрос оставался на местах не решенным. Весной 1918 года земельный вопрос не мог больше оставаться открытым, так как нужно было начинать запашку. Не дожидаясь новых земельных законов, крестьяне Тобольской губернии приступили к «обсеменению полей на старых основаниях, исключая земли монастырские, удельные, каковы должны немедленно перейти в ведение ближайших местных советов, которым дается право эту землю распределить между крестьянами, не имеющими земельных наделов»¹³.

Рассмотрению вопроса о землепользовании было посвящено заседание крестьянской секции Тобольской губернской конференции, состоявшееся 6 апреля 1918 года. На заседании подчеркивалось, что передача земли в пользование крестьянам производилась исключительно через советы. Оговаривалось, что аренда земли не допускается, а все свободные и неиспользованные земли передавались в распоряжение советов. Запрещалось также сокращать посевную площадь под угрозой лишения крестьян права пользования землей.

Очевидно, что политика советского государства способствовала изменению характера землевладения и землепользования в Сибири. Крестьяне освобождались от ежегодных платежей за покупаемый у казны лес и арендных платежей за землю, а декретом о земле за крестьянами закреплялись участки, захваченные ими еще весной — летом 1917 года¹⁴.

Осуществление земельной политики нельзя рассматривать без учета «Основного закона о социализации земли», подписанного В.И. Лениным 19 февраля 1918 года. Несколько вводных статей закона решают вопрос о судьбе земель нетрудового пользования, передававшихся в распоряжение местных земельных органов с целью справедливого распределения между трудящимися.

Остальная часть закона устанавливала новый порядок землепользования. Он сводился к отмене частной собственности на землю и передаче земель в распоряжение органов советской власти. Доступ к земле становился возможным лишь на правах ограниченного равными условиями и временем пользования. Основным условием получения земли в коллективное или индивидуальное пользование являлось применение собственного труда для ее обработки.

Следует подчеркнуть, что руководство земельной реформой из центра почти отсутствовало. На этот фактор обращал внимание Л. Н. Литошенко, говоря о том, что каждый волостной совет считал себя полновластным хозяином. Даже уезды не всегда могли влиять на ход земельного переустройства в своих волостях, губернский план реформы был редким исключением. «Земельное право творилось сразу в тысяче мест и на тысячу разных ладов»¹⁵.

Первое и самое важное отличие планов правительства от реальной практики заключалось в том, что фактический пересмотр земельных отношений коснулся гораздо меньшего круга земель, чем предполагалось.

Особенно это ощущалось в отдельных районах. В Тобольской (Тюменской) губернии частных, церковных и монастырских земель, подлежащих распределению, было сравнительно мало¹⁶. Перепись 1926 года выявила большие различия по округам в обеспеченности крестьян землей. В 1920 гг. небольшие коллективные хозяйства были небольшими: пашни сто — двести гектаров. Одна часть их организовывалась на надельной земле (объединяли личные пашни), а другая — в бывших частных имениях и на церковных землях¹⁷.

А. Иваненко отмечает, что летом 1918 года крестьянские отделы Тобольской губернии намеревались разделить сенокосы и земли озимого клина. Землю наделялись безземельные и малоземельные, новые переселенцы, разрешались земельные споры между деревнями, татарами и русскими... Землю делили по «потребительско-трудовой норме». Размеры ее зависели от землеобеспеченности уездов и волостей. Иногда земля нарезалась в расчете на количество имевшихся у крестьянина семян.

С января 1918 г. в стране начался процесс лесостроительства. Ряд губернских съездов приняли резолюции о национализации лесов, сформировали специальные (лесные) комитеты для организации пользования лесными ресурсами.

Например, 29 января 1918 года состоялся Третий областной (Уральский) съезд советов рабочих и солдатских депутатов, на котором была принята резолюция о национализации лесов в области. Создавались комитеты по организации лесопользования из представителей рабочих организаций и беднейших крестьян¹⁸.

27 декабря 1918 года постановлением СНК при ВСНХ был учрежден Главный лесной комитет по руководству, регулированию и управлению государственной лесной промышленностью, а в 1921 году был создан трест «Северолес»¹⁹. Лесная площадь в северных районах Западной Сибири составляла почти 40 млн га²⁰.

По вопросу о пользовании лесами в Тобольской и Тюменской губерниях были приняты следующие решения: «1. Самовольные, без разрешения Советов, порубки леса прекратить. 2. Порубленный самовольно лес конфисковать и предоставить его тем, кто действительно в нем нуждается, а излишки продать с торгов с обращением вырученной суммы в доход волости. 3. Леса, которыми должны пользоваться крестьяне, остаются в пользовании Советов. 4. Охрана лесов возлагается на местные Советы, земельные комитеты»²¹. Отмечается продолжение работы по упорядочению лесопользования в регионе после окончания Гражданской войны.

В период Гражданской войны, которая не обошла северные территории Тюменской губернии, работы по землеустройству не проводились. С установлением власти Колчака все советские законы по аграрному вопросу были отменены. После поражения белогвардейцев вновь стали вводиться земельные законы советской власти. Так, в июне 1920 года было принято постановление Первого Тюменского губернского съезда советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов²², сообщавшее «...об уничтожении разделения в области землепользования между инородческим и русским населением по всей губернии». Наряду с этим указывалось, что следует «снабжать землями в первую очередь семьи красноармейцев, семьи бедноты и пострадавших от контрреволюции». Постановление ориентировало губернский земельный отдел на борьбу «с попытками самочинных захватов земель со стороны населения». В указанном документе обращалось внимание на принятие мер по предупреждению конфликтов среди населения на почве земельных разделов. Планировалось произвести обследование казенных земель с целью переселения туда нуждающихся в земле хозяйств. Вместе с указанным в постановлении получила отражение задача расширения посевных площадей, сенокосных угодий, ведения раскорчевки и осушения болот.

Очевидно, что вопросы землепользования и землеустройства в южных районах Тобольской и Тюменской губерний в 1917-1920 гг. находились в числе приоритетных в деятельности местных органов власти, хотя их реализация осложнялась политической ситуацией.

Все землеустроительные работы по отводу земель должны были производиться на основании плана землеустроительных работ, утверждаемого губернским земельным отделом. При составлении плана требовалось соблюдать следующий порядок:

установление границ, отвод земель сельскохозяйственным объединениям и группам отдельных землепользователей. При землеустроительных работах требовалось соблюдать следующую очередность: выделение земли вновь возникающим сельскохозяйственным артелям и коммунам, выделение земли частям общины, прочим. Составление проектов плана землеустроительных работ возлагалось на уездные земельные отделы на каждый зимний и летний период. Планы землеустроительных работ составлялись по установленной форме Народного комиссариата земледелия. Губернские планы землеустроительных работ должны были согласовываться с общегосударственными планами в Народном комиссариате земледелия²³. Здесь устанавливалась государственная запись землепользования с целью учета землеустроительного земельного фонда и землепользователей, исходя из изменений. Учет должны были вести земельные отделы, делая пометки на землеотводных записях, затем составляя карты и списки по форме Народного комиссариата земледелия.

Первоочередными задачами землеустройства на юге губернии было установление границ земельных обществ, их юридическое закрепление, а на Севере (где отсутствует земледелие) — упорядочение пользования лесными и водными угодьями. Проведение землеустроительных мероприятий осложнялось недостатком землемерных сил. В первую очередь землеустроители направлялись на размежевание земель советских хозяйств, коммун и артелей. А самая ценная для крестьянина работа по внутриселенному землеустройству откладывалась на неопределенный срок²⁴.

Традиционно в отечественной историографии организация охотничьей территории рассматривалась как одно из первых мероприятий советской власти в системе национального строительства на Обском севере, что содействовало, по мнению Л. Е. Киселева, М. Е. Бударина и других исследователей, укреплению и развитию хозяйства остяков, вогулов, самоедов. Считалось, что организация охотничьих угодий была призвана способствовать социалистической реконструкции оленеводства, рыболовства и охотничьего промысла. В рамках Тобольского севера в 1920 гг. существовали три пушнопромысловых района. Первый включал южную часть Березовского и Сургутского уездов от р. Конды до 63 параллели, второй — Мужи-Кушеватский от 63 до 66 параллели, третий — Обдорско-Тазовский район. Под охотничьи угодья использовались лесные ресурсы. Специальных законов по устройству охотоугодий в указанный период не обнаружено.

Широтная зональность территории обуславливала здесь основные закономерности распределения охотничьих ресурсов в большей степени, чем на других северных территориях, подчеркивает Е. И. Гололобов²⁵.

Следует заметить, что до конца 1921 г. земельную политику советской власти нельзя назвать внятной. Только на IX съезде советов в конце декабря 1921 г. она получила более определенные очертания. На съезде было дано поручение разработать ВЦИК и Наркомзему новые законодательные акты. Земельное законодательство было разработано в последующие полгода, и 22 мая 1922 г. на III сессии ВЦИК был принят «Основной закон о трудовом землепользовании», решительно меняющий действовавшее до тех пор земельное право²⁶.

Закон устанавливал порядки трудового землепользования: право на выбор любого способа землепользования (общинное, индивидуальное, товарищеское, смешанное), объем и пределы прав на землю отдельных пользователей, правила трудовой аренды земли (земля сдавалась в аренду не более чем на 3 года), использование вспомогательного труда при условии, что все трудоспособные члены семьи работают в своем хозяйстве наравне с наемными рабочими.

Земельная политика 1921-1922 гг. представляла, по мнению Л. Н. Литошенко, сплошную цепь отступлений от позиций, занятых в предыдущие годы. Она сводилась к значительным уступкам индивидуальному хозяйству²⁷.

На примере Сургутского уезда Тюменской губернии можно проследить процессы землеустройства в 1923 г. Во-первых, необходимо было составить планы землеустроительных работ, во-вторых, составить проекты. То есть 1923 г. — на Севере, по сути, первый этап землеустройства, носивший характер административного.

Главным управлением землеустройства и мелиорации от 7 марта 1923 года в Сургутский земельное управление было отправлено инструктивное письмо, в котором доводились сведения о порядке утверждения землеустроительных проектов и планов к ним и прохождение дел по администрированию землеустройства. В письме указывалось на главу третьей части Земельного кодекса. Наркомзем предлагал к руководству в уезде следующее: 1) землеустроительные дела считаются бесспорными, если по ним в течение всего землеустроительного процесса ни одной из заинтересованных сторон не заявлено жалоб или претензий (ст. 187 Земельного кодекса); 2) по спорным вопросам в процессе администрирования землеустройства и по утверждению землеустроительных планов, разрешающих однозначные дела считать губернские и уездные землеустроительные совещания; 3) все споры и жалобы, вытекающие из землеустройства, а также из землеустроительного проекта (ст. 188 Земельного кодекса) направляются в земельные комиссии для разрешения их в порядке состязательного процесса. По разрешению споров и жалоб землеустроительное дело протекает далее в том же порядке, как и бесспорные дела, то есть поступают в указанные выше землеустроительные совещания²⁸.

От Сургутского уездного земельного управления требовалось составление плана по землеустройству территории уезда. Подчеркивалось значение правильного землеустройства, формы землепользования, аренда и передача земли. В письме содержались практические указания, где и при каких обязательствах необходимо приступить к землеустройству в данный момент в будущем и где не делать, а также предписывалась схема для составления письменных землеустроительных проектов²⁹.

Под воздействием нэпа в регионе началось решение вопросов пользования рыбными угодьями. Так, Сургутское экономическое совещание сдавало населению в аренду рыбные угодья для производства рыбного промысла ежегодно, начиная с 1922 года. Согласно договору от 29 апреля 1923 года угодья сдавались в определенных границах и арендатор имел право пользоваться 10 саженой полосой берега передаваемых водоемов и не имел права уничтожать или портить насаждения на береговой полосе. За аренду вносилась денежная плата³⁰.

Землеустройство проводилось и в отношении учебных заведений, а также детских учреждений, которые находились вне города и селений городского типа. В Сургутском земуправлении в отделе землеустройства при наделении участками земель указанных учреждений пользовались инструкцией от 26 апреля 1923 года, принятой на основании постановления X Съезда Советов по вопросам народного образования, в котором указывается, что все учебные заведения и детские учреждения должны быть наделены землей. Согласно этого постановления Наркомзем совместно с Наркомпросом предложил всем земорганам для руководства инструкцию, в которой устанавливался размер участков для школ с приходящими учениками от 2 до 3 десятин, в зависимости от числа школьных работников и местных условий; для детских домов из расчета 1/10 десятины на каждого воспитанника с повышением нормы, если это окажется возможным по местным условиям; для специально сельскохозяйственных школ в зависимости от действительной необходимости — 100 десятин, для техникумов — 250 десятин, для вузов — 500, для педагогических техникумов с сельскохозяйственным уклоном — 25-40 десятин. Участки должны были отводиться в ближайшем от них месте не далее одной версты, преимущественно из состава госземимущества или местного свободного запаса в порядке п. «а» ст. 166 Земельного кодекса. В исключительных случаях участки могли изыматься быть для нужд детучреждений из пользования трудового населения в порядке п. «з» ст. 166. и с применением ст. 22 Земельного кодекса. Окончательный размер участков определялся земорганами: принимались во внимание нужды этих учреждений, учитывались участки, находившиеся в их пользовании ранее. Все работы по образованию школьного земельного фонда производились на основании ст. 176 Земельного кодекса на государственные средства по сметам Наркомзема согласно заявкам Наркомпроса. В случаях, когда участки, предоставленные в пользование школ и детских учреждений не обрабатывались их силами, допускался для таковых наемный труд, применительно к правилам о вспомогательном наемном труде в трудовых сельскохозяйственных хозяйствах, изложенных в ст. 39-40 Земельного кодекса³¹.

Однако не удалось обнаружить документов, которые свидетельствовали бы о выполнении указанного постановления. Возможно, что в условиях Тобольского севера, где имелось недостаточно пахотной земли, выполнить это распоряжение было затруднительно.

Таким образом, период с 1917 по 1923 гг. можно определить как первый этап мероприятий советской власти по землеустройству и землепользованию на Обь-Иртышском севере. Этот процесс имел особенности, которые определялись природными ресурсами и климатическими условиями: на указанной территории в основном преобладали водные и лесные ресурсы, пахотная земля имелась в ограниченном количестве. Определение порядка пользования рыбоугодьями и лесом не требовало такого колоссального устройства как землепользование, поэтому на том этапе законодательных актов и мероприятий по распределению и пользованию земли издавалось гораздо больше, чем по водоустройству и лесопользованию.

Библиографический список

1. Алексеева Л. В. Северо-Западная Сибирь в 1917-1941 годах. Политическая, экономическая и культурная трансформация. Нижневартовск, 2006. С. 76.
2. Данилов В. П. Аграрные реформы и крестьянство в России. С. 1. Sender: owner-test@fard.msu.ru.
3. Алексеева Л. В. Северо-Западная Сибирь в 1917-1941 гг.: Национально-государственное строительство и население. Нижневартовск, 2002. С. 4.
4. Алексеева. Л. В. Экономическое развитие Обь-Иртышского севера в 1917-1941 гг. Трансформация хозяйственного уклада. Е., 2003. С. 97.
5. Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 182-183.
6. Гушин Н. Я., Журов Ю. В., Боженко Л. И. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917-1937 гг.). Новосибирск, 1978. С. 71.
7. Там же.
8. Там же. С. 72.
9. Там же. С. 73.
10. Иванцова Н. Ф. Западносибирская деревня в период первых аграрных преобразований советской власти (ноябрь 1917 — июнь 1918 гг. // Актуальные вопросы истории Сибири: Вторые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. Барнаул, 2000.
11. Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917 — 1920 гг.). Свердловск, 1967. С. 22.
12. История Сибири. Т. 4. Ленинград, 1968. С. 80.
13. Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917 — 1920 гг.). Свердловск, 1967. С. 32.
14. История Сибири. Л., 1968. Т. 4. С. 80.
15. Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 192.
16. Иваненко А. Четыре века тюменского поля. Свердловск, 1990. С. 112.
17. Там же. С. 125.
18. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 41. Оп. 2. Д. 327. Л. 27.
19. Лес и человек. Мегион, 1998. С. 15.
20. Гололобов Е. И. Использование природных ресурсов и охрана окружающей среды на Обь-Иртышском Севере (1919 — 1929). // Природные ресурсы, природопользование и охрана окружающей среды на Обь-Иртышском Севере (1919 — 1929). Новосибирск, 1005. С. 17.
21. Лес и человек ... С. 13.
22. Борьба за власть Советов ... С. 34.
23. Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР 1917-1954. М., 1954. С. 41.
24. Литошенко Л. Н. Социализация земли ... С. 283.
25. Гололобов Е. И. Использование природных ресурсов ... С. 18.
26. Законы о трудовом землепользовании. М., 1922. С. 45-49.
27. Литошенко Л. Н. Социализация земли ... С. 343.
28. Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа (далее — ГАХМАО). Ф. 103. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.
29. Там же. Л. 6.
30. Там же. Д. 45. Л. 81.
31. Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

КОНЫШЕВА Ирина Ивановна, аспирант кафедры истории России Нижневартовского государственного гуманитарного университета.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.10.2007 г.

© Коньшева И. И.

ЛАТГАЛЬЦЫ И СЕТУ СИБИРИ В 1925—1930 гг. (ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНТАКТОВ ЛОКАЛЬНЫХ СУБЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП)

На основании проведенных исследований выявлены особенности исторического развития и межнациональных контактов локальных субэтнических групп сибирских латгальцев и сету в 1925-1930 гг.: культурная отсталость (большинство латгальцев и сету были неграмотными), повышенная религиозность, закреплявшаяся конфессиональным отличием от латышей и эстонцев, и экономическая стагнация в некоторых поселениях этих локальных групп.

Современный период исторического развития характеризуется резким обострением национальных и религиозно-этнических противоречий. Поэтому большую актуальность приобретает история малых этнических групп, оторванных от основного этнического ядра, имеет свою специфику. Находясь в иноэтничном и инокультурном окружении, эти группы, с одной стороны, долгое время сохраняют языковую и культурную самобытность, особенно если между данными группами и окружающими их этносами существуют культурные и языковые барьеры. С другой стороны, с течением времени происходит усиление межэтнических контактов, а после «прорыва эндогамии» малых этнических групп их последующая ассимиляция — лишь вопрос времени.

Среди латышей и эстонцев, переселившихся в Сибирь в конце XIX — начале XX вв., выделялись субэтнические группы этих прибалтийских народов — латгальцы и сету. В данной статье мы проанализируем особенности исторического развития этих субэтнических групп во второй половине 1920-х годов.

Латгальцы (latgalisi) — потомки древних латгалов, говорящие на верхнелатышском диалекте латышского языка [1]. По мнению А. Пута, латгальское наречие, являясь в корне латышским, отличается, однако, от последнего многими словами, позаимствованными из русского, польского и литовского языков [2]. С древнейших времен латгальцы были тесно связаны со славянскими народами, что нашло отражение во всех сторонах их быта и культуры.

В докладной записке Ленинградский областной политехпросвет Выдана и Павлина от 30 июня 1928 г. была приведена краткая история Латвии с древнейших времен до первой четверти XX в. О причинах культурных различий между латышами и латгальцами там, в частности, говорилось следующее: «Страшная Ливонская война, почти совершенно опустошившая край, привела к разделу Ливонии. Латышский край, то есть Лифляндия и Латгалия, совершенно опустошенные, были захвачены поляками и вошли в состав польско-литовского государственного объединения, а Курляндия под протекторатом Польши сохранила свою независимость.

Объединенный латышский край оставался под властью Польши около 70 лет (до 1629 г.), когда в результате войны Лифляндия отошла к Швеции, а Латгалия, испытывая все ужасы крепостничества и шляхетской олигархии, стонала и изнемогала от непосильных поборов и духовного фанатизма еще око-

ло полутора столетий, то есть до первого раздела (1772 г.) этого подавляющего всякую свободу разлагающегося крепостного государства...

В силу последующих исторических событий вскоре все эти территории, населенные латышами, вошли в состав Российского государства, а именно: Лифляндия в 1710 году, Латгалия — в 1772 году и Курляндия — в 1795 году. Но вместо того, чтобы объединить все эти части в одно неделимое территориальное и этнографическое целое, Латгалию присоединили не к остальным латышским землям — Лифляндской и Курляндской губерниям, а к Витебской губернии, составной частью которой она оставалась вплоть до 1918 года...

Но Латгалия, оторванная от остальной части нации более трех с половиной веков, пережив 211 лет тягчайшего польского режима и будучи около полувека в составе царской России, занимавшейся русификаторской политикой, в связи с польским восстанием 1863 г. была лишена всяких гражданских прав и печатного слова. Эта последняя темная полоса народной жизни длилась более 40 лет (до 1905 г.). Когда приближающаяся революционная буря в 1905 г., казалось, потрясает самые основы царизма, то последний, не устояв под напором грядущих событий, дал латгальцам кое-какие гражданские права и разрешил печатное слово» [3].

Таким образом, являясь по существу этнической группой латышей, в конце XVIII — начале XX вв. латгальцы были территориально обособлены от них и сильно отличались по языку, культуре и религии.

Большинство верующих латгальцев — католики, тогда как большинство верующих латышей — лютеране. Как следствие, иногда в деревнях со смешанным латышско-латгальским населением латгальцы при самоидентификации делали акцент не на этнический, а на конфессиональный признак. Так, в 1930-х гг. в Елизаветино Оконешниковского района Омской области у латгальцев при вступлении в брак в графе «национальность» очень часто писали «католик». А поскольку Латгале не имеет выхода к Балтийскому морю, остальных переселенцев-латышей (выходцев из Видземе, Земгале и Курземе) в документах латышских партийных секций иногда называли в противовес латгальцам латышами-балтийцами.

Интересен тот факт, что во время оптационной кампании латгальское население подавало заявление на выезд не только в Латвию, но и в Польшу [4], поскольку если с латышами латгальцев объединял близкий язык, то с поляками — единая религия.

Исследуя переселения латышей в другие районы России, в том числе и в Сибирь на рубеже XIX - XX вв., латышские исследователи выделяли латгальские поселения в особую группу. Латгальские колонии существовали в Омском, Красноярском, Ачинском и некоторых других округах, но особенно много латгальцев проживало в Томской губернии, где в 1925 г. из 9 тыс. латышей 7,5 тыс. человек составляли латгальцы и только 1,5 тыс. — латыши-балтийцы [5].

Экономическую и культурную жизнь латгальского населения Томской губернии в этот период охарактеризовал А. Эйсуль, выступая на уже упоминавшемся нами совещании активных работников латышских колоний Томской губернии. Он, в частности, сказал: «По своему экономическому положению латышское население также резко подразделяется на две категории: латыши-латгальцы живут главным образом в поселках и только часть на хуторах, а балтийцы наоборот все ведут хуторское хозяйство. Балтийцы при обработке земли употребляют сельхозмашины в довольно значительных размерах, а латгальцы пользуются первобытным плугом. По имущественному положению среди балтийцев преобладает середнячество, затем бедняки и солидный процент зажиточных крестьян. У латгальцев иное положение: бедняков почти столько же, сколько середняков, а зажиточных по всей губернии насчитываем всего 3-4 хозяина. Балтийцы переходят к интенсивному ведению своего хозяйства: сеют травы, разводят частично корнеплоды, имеют теплые скотные дворы и в довольно крупных размерах занимаются скотоводством. Латгальцы существуют за счет скудно обрабатываемых клочков земли, занимаются кустарным промыслом, как-то: бондарством, пилкой теса и пр. Среди таежников-латгальцев найдете немало таких крестьян, которые зачастую не имеют ни молока, ни мяса и питаются весьма и весьма скудно.

Отсюда среди латгальцев есть стремление переселиться в более удобные для ведения сельского хозяйства районы, но благодаря нашим некоторым земельным беспорядкам пока никуда не могут переселиться. Много крестьян-латышей лишились хозяйства, благодаря стремлениям опираться и вернуться на родину, в Латвию.

Среди латгальцев есть огромное стремление вообще к землеустройству, а в некоторых местах к выделению национальных обществ землепользования (например, Вороново Томской губернии), мотивируя тем, что русские мешают культурному ведению хозяйства, устройству школ и предполагают недостроенное здание тесла передать под школу. В районах, где латгальцы тесно соприкасаются с крестьянами-балтийцами, они перенимают культурные способы землеобработки, в отдельных случаях даже читают газеты на балтийском наречии (Ачинск, Енисейская губерния).

В работе среди латгальцев нет никаких указаний из Центра. Поскольку нет латгальских учителей и литературы, естественно, среди них секционную работу вести невозможно. То же самое насчет латышских вузов - латгальцы, не зная латышский язык, не могут быть командированы. Вполне возможно, что в Мариинском уезде из грамотных большинство русифицировались - не знают латышского языка. В некоторых деревнях Томского уезда, по опыту, латышский язык им труднее понять, чем русский.

Подразделение на латгальцев и балтийцев ярко рисуется также и в отношении культурности латгальского населения губернии. Среди балтийцев процент грамотных достигает 85, а у латгальцев полная противополо-

жность. Тут необходимо отметить, что у латгальцев почти 90% умеют кое-как читать на родном языке (мать научила по молитвенникам), но писать умеют всего 1-2%. Религиозность сильна как среди балтийцев, так и латгальцев. Но она не ставит непреодолимых препятствий для серьезного работника. Какого-нибудь поверхностного «мудреца» население провожает «церемониальным маршем» (участвуют старые сковородки, ведра и прочие подобные инструменты). Среди балтийцев вести работу, в частности антирелигиозную пропаганду, нередко бывает труднее, чем среди латгальцев; балтийцы - народ культурный, искушенный приемами буржуазной культуры, отсюда бывают случаи, когда под знаком религиозности прикрываются антисоветские элементы. Латгалец - это более цельная, менее искушенная натура. При наличии достаточного количества работников работу среди колонистов-латгальцев можно вести прекрасно, стремление к школе, к лучшему землепользованию, просвещению и к лучшей жизни вообще огромное» [6].

Необходимо отметить, что трудности, связанные с преодолением неграмотности у латгальцев, возникли еще в начале 1920-х гг., когда сеть культурно-просветительных учреждений у национальных групп Сибири только начала разворачиваться. Многие латгальские крестьяне в совершенстве не владели ни русским, ни латышским языком, а для обучения на верхнелатышском диалекте не было ни учебных пособий, ни специалистов. И как справедливо заметил А. Пуган в 1923 г.: «Отстали в культурном отношении сибирские колонии, так как в далекие закоулки сибирской тайги проникает мало литературы; притом колонисты с трудом разбираются в русской письменности, а латышскую литературу также мало читают: это связано с непониманием готического шрифта и многих чужих слов» [7]. В докладной записке Выдана и Павлина указывалось, что «80% латгальцев, проживающих в СССР, безграмотны. Остальные 20%, среди которых очень незначительный слой интеллигенции и полунинтеллигенции, считаются грамотными» [8].

Что же касается повышенной религиозности, то здесь А. Эйсуль, сам будучи латгальцем, излишне оптимистично оценил перспективы антирелигиозной пропаганды среди своих соотечественников. В среде колонистов господствовал религиозный фанатизм, который шел рука об руку с тотальной неграмотностью латгальцев как в Сибири, так и в других регионах СССР.

Отношения же латгальцев с латышами-балтийцами были неоднозначны. С одной стороны, латгальцы перенимали у более развитых в хозяйственном и культурном отношении латышей передовые навыки хозяйствования, а с другой — религиозные противоречия и культурная дистанция между представителями различных групп латышского народа иногда приводили к трениям и конфликтам. Так, Выдан и Павлин писали, что подчас «...латгальцы, встречаясь с более развитыми латышами, чувствуют себя не в своей среде. К тому же среди латышей имеются и такие несознательные товарищи, которые подсмеиваются над латгальским говором, что отпугивает латгальцев от общения и срывает массовую просветительную работу» [9].

Тем не менее, в годы нэпа экономический подъем происходил и в латгальских колониях Сибири, при этом латгальские хозяйства местами оказывались более состоятельными, чем русские. Так, докладчик Ачинского окрисполкома 5 ноября 1928 г., приводя сравнительные данные по 268 латышско-латгальским и 284 русским хозяйствам, отмечал: «По Ачинскому округу количество коров на хозяйство у латышей и латгальцев было

2,03, а у русских — 1,89, сенокосилок на 100 хозяйств соответственно — 4,4 и 0,7, конных грабель — 2,9 и 0,7. Качественные различия в хозяйстве проявляются даже в таком факте: количество ульев на пасеках у латышей и латгальцев на 100 хозяйств было почти таким же, как и у русских (0,48 против 0,47), но количество современных рамочных ульев было в 10 раз больше (0,43 против 0,04)» [10]. По поводу хозяйства латгальцев в с. Кайбинка Ново-Кусковского района Томского округа в 1927 г. студенты КУНМЗ в своем отчете писали: «В Кайбинке не приходится, к примеру, спрашивать: «кто имеет сенокосилку?», а надо задавать вопрос: «кто не имеет сенокосилки?»» [11].

Оказавшись в Сибири, латгальцы, оставаясь латышским субэтносом, сохранили свое групповое самосознание. Этноним «латгалец» фиксировался в личных документах поселенцев и в актах гражданского состояния. В то же время уже в 1920-х гг. шел активный процесс сближения латгальцев с другими народами, приводивший зачастую к утрате ими своего субэтнического самосознания. Например, в 1926 г., при проведении Всесоюзной переписи населения, в Сибири было зарегистрировано 9 тыс. латгальцев. Значительная часть латгальских поселенцев записалась латышами или поляками [12].

Сближение латгальцев с русскими проходило не только в Томской губернии, но и в других районах Сибири. Так, в 1926 г. в крупнейшей латгальской колонии Омского округа, селе Елизаветино Калачинского района, дети во многих латгальских семьях говорили дома на русском языке [13]. Во многом это было связано с тем, что в этом селе латгальцы жили вместе с представителями других национальностей, даже не составляя большинства населения. Так, зимой 1926 г. был в этом селе был следующий национальный состав населения: латышей насчитывалось 326 человек - 36,96%, латгальцев 298 человек - 33,79%, белорусов - 152 человека - 17,23%, русских - 29 человек - 3,29%, прочих - 77 человек - 8,73% [14].

Национальные школы у латгальцев в первой половине 1920-х гг. создать не удалось. Коллегия Сибкрайона на своем заседании 15 марта 1927 г. отнесла латгальцев наряду с немцами, латышами, украинцами, белорусами, поляками, евреями и эстонцами к числу наиболее культурных национальных меньшинств Сибири [15]. Однако это, по всей вероятности, была ошибочная оценка, т.к. на протяжении всего предшествующего периода не только не выпускалась латгальская учебная литература, но и не готовился педагогический персонал для работы с этой этнической группой. В некоторых латгальских деревнях, как уже говорилось, почти все взрослое население было неграмотно или малограмотно. Поэтому на заседании Нацменколлегии 4 июня 1927 г. было принято решение о вовлечении латгальцев в существовавшие русские и латышские школы [16]. Это решение оказало негативное воздействие на дальнейшее развитие латгальского языка и культуры в СССР.

В 1929 г. в шести округах Сибири существовало 19 сельсоветов, в которых латгальцы составляли большинство населения. Но ни в одном из них делопроизводство не велось на латгальском языке. Даже секретарей сельсовета, знающих латгальский язык, в то время было только 5 человек. При составлении местного бюджета специфические нужды латгальского населения не учитывались, например, нигде не стоял вопрос о подготовке секретарей сельсоветов, знающих латгальский язык; также не было судов, где бы судопроизводство велось на латгальском языке.

Основной формой землеустройства в конце 1920-х годов была хуторская, что тормозило создание сельско-

хозяйственных артелей. Например, члены партии латгальцы поселка Дроздовского Тайгинского района Томского округа неоднократно приступали к организации коллектива; желающие были, но хуторской тип поселения делал объединение невозможным (например, двое шли в коллектив, а третий в середине отказывался).

Другой пример: латгальцы Вороновского района Томского округа. Стараниями царских чиновников они были разбросаны чрезвычайно малыми группами по всему району. У них было желание организовать коллектив. Крестьяне поднимали вопрос перед земельными органами об отводе им участка под колхоз, в который вошли граждане целого ряда латгальских поселков (Топки, Александрово, Борзуновка и др.). Но в этом ходатайстве латгальцам земельные органы отказали. Случаем воспользовались местные сектанты-баптисты, они взяли инициативу в свои руки и послали ходоков в Бийский и Барнаульский округа в поисках участка «под коллектив». Но этому помешала латсекция Крайкома ВКП(б). Существовало стремление к переселению, особенно среди латгальцев, живших в северных районах Барабинского, Томского и Ачинского округов.

Так же как и у других выходцев из Прибалтики, у латгальцев в этот период достигло высокого уровня кооперирование крестьянских хозяйств. Например, потребительской кооперацией латгальское население было охвачено в среднем до 80%. В Барабинском округе широко была развита молочная кооперация, кое-где охватывавшая 100% дворов (деревня Чаргары Меньшиковского района Барабинского округа). Однако членами сельскохозяйственной кооперации были немногие.

В конце 1920 гг. приобрели популярность машинные товарищества. Например, в деревне Бороковка (Итатский район Ачинского округа) имелось по выселкам до шести машинных товариществ.

Коммуны среди латгальцев Сибири не получили распространения, и лишь в 1928 г. была организована латгальско-латышская коммуна в Ачинском районе. Были многочисленные попытки, но они срывались. Главными причинами этому послужило отсутствие грамотных организаторов и внедрявшаяся в сознание и экономику латгальцев хуторская система. Со стороны партийных и советских органов делу коллективизации отсталых латгальских поселков уделялось чрезвычайно мало внимания [17].

Таким образом, к концу 1920 гг. латгальцы, как и латыши-балтийцы (особенно в Томском и Ачинском округах), перешли к хуторской системе землепользования. Более того, эта система стала для них одним из этномаркирующих элементов. Но, с другой стороны, переход латгальцев Сибири к хуторскому типу поселения стал основным тормозом становления у них сельхозартелей.

В Восточной Сибири кроме эстонцев поселились также представители субэтнической группы эстонского народа — сету. От остальных эстонцев они отличаются конфессиональной принадлежностью (верующие сету — православные), а также языковым и культурным своеобразием. Самой крупной и единственной сохранившейся до наших дней колонией сету стала деревня Хайдак, образованная в начале XX в. в Перовской волости Красноярского уезда Енисейской губернии (впоследствии Партизанский район Красноярского края).

Как отметил журналист А. Тарасов, «язык сету относится к финно-угорской группе, но они, как признают жители Хайдака, почти не понимают эстонцев. Фамилии у них — русские, имена эстонские» [18].

О культурной жизни сел в середине 1920 гг. свидетельствует опросный лист, распространенный эстонской секцией ВКП(б) Красноярского округа в 1927 г. В этот момент в Хайдаке было 169 хозяйств, часть из которых находилась в деревне, а часть — на хуторах. В поселении проживало 849 человек — 414 мужчин и 435 женщин. (Всего в Красноярском округе в тот момент насчитывалось 1 891 селу.) [19].

Центром культурной жизни села была изба-читальня, при которой существовало 2 кружка — драматический и хоровой. Драматический кружок посещало 10 человек (6 мужчин и 4 женщины), а хоровой — 18 (12 мужчин и 6 женщин). Однако в хоровом кружке не было руководителя, а члены драмкружка ввиду их низкого уровня общей и политической грамотности не понимали содержания пьес, которые они ставили.

В библиотеке избы-читальни хранилось 250 книг (169 на эстонском языке и 81 — на русском). Но это была исключительно политическая литература, которая не интересовала крестьян, а книг по сельскохозяйственной тематике и беллетристики, пользовавшихся большим спросом, в библиотеке не было.

Из выписываемых газет и журналов руководство избы-читальни предпочитало русские, а не эстонские издания. Так, выписывались русские газеты «Изба-читальня», «Советы агронома», «Красноярский рабочий», «Беднота», «Сельская правда», «Крестьянская газета», а также юмористический журнал «Лапотъ», а из эстонских только газета «Edasi» («Вперед»). Все издания выписывались в одном экземпляре. Местные крестьяне наоборот отдавали чуть большее предпочтение эстонской прессе — ими выписывалось 7 экземпляров «Siberi Teataja», 3 экземпляра «Сельской правды» и 2 — «Крестьянской газеты».

Таким образом, на 169 хозяйств выписывалось всего 12 экземпляров газет, что для прибалтийских поселений в этот период было ничтожно мало. Но причина этого была проста: 809 колонистов (385 мужчин и 424 женщины) из 849 (95,3%) были неграмотны. Эта картина была типична не только для данного поселения, но и в целом для селу Красноярского округа, у которых неграмотность превышала 90% [20].

Кое-что для улучшения положения предпринималось. Так, в 1920 г. в колонии была организована школа первой ступени, в которой обучалось 52 ребенка — 48 эстонцев-селу (38 мальчиков и 10 девочек) и четверо детей других национальностей (2 мальчика и 2 девочки). Но, вероятно, приоритет конфессионального фактора над языковым, а также глубокие различия между литературным эстонским языком и наречием селу привели к тому, что обучение в школе с самого начала велось на русском языке, что было зафиксировано и в решении сельского схода: «От эстонской грамоты отказаться, а продолжить образование населения только на русском языке» [21].

Существовал в деревне и пункт по ликвидации неграмотности, включенный в государственную сеть; в нем обучалось 33 человека (27 мужчин и 6 женщин). Но ликпункт насчитывал только 10 книг, поэтому его работа не могла быть эффективной.

На точке замерзания находилась и хозяйственная жизнь колонии. Там не было никаких сельскохозяйственных организаций, а потребительская кооперация насчитывала только 24 члена. Не могли жители Хайдака рассчитывать и на своевременную медицинскую помощь, так как ближайший врачебный пункт находился в 18 верстах от деревни.

Неграмотность селу и хозяйственный упадок колонии определили и политическую пассивность насе-

ления. Хотя в состав сельсовета входили 9 членов ВКП(б) и 1 — РАКСМ, причем 9 были по национальности эстонцами-селу, в выборах сельсовета приняли участие только 41% жителей деревни. Характерно, что в составе сельсовета не было ни одной женщины [22].

Таким образом, и латгальцы, и селу, будучи по происхождению выходцами из Прибалтики, в языковом и культурном отношении сильно отличались от латышей и эстонцев-балтийцев. Их отличала культурная отсталость (подавляющее большинство латгальцев и селу были неграмотными), связанная с этим повышенная религиозность, закреплявшаяся конфессиональным отличием от лютеран-латышей и эстонцев, а также экономическая стагнация в некоторых колониях латгальцев и селу. Отметим также, что языковые различия между латгальцами и латышами, с одной стороны, и селу и эстонцами-балтийцами — с другой ускорили переход представителей этих балтийских субэтносов в Сибири к русскому функциональному монотилизму.

Библиографический список

1. Латгальцы // БСЭ. М., 1973. Т.14. С.205.
2. Путан А.С. Латгальцы и Октябрьская революция // Жизнь национальностей. Книга первая. Январь, 1923. С.209.
3. ГАНО. Ф.Р-859. Оп.1. Д.10. Л.106.
4. ЦДНИ ТО. Ф.1. Оп.1. Д.1466. Л.120.
5. ЦДНИ ОО. Ф.940. Оп.1. Д.76. Л.19.
6. ЦДНИ ОО. Ф.940. Оп.1. Д.76. Л.19, 19 об., 20, 20 об.
7. Путан А.С. Латгальцы и Октябрьская революция... С.211.
8. ГАНО. Ф.Р-859. Оп.1. Д.10. Л.106 об.
9. Там же.
10. ГАНО. Ф.47. Оп.1. Д.496. Л.43.
11. ГАНО. Ф.2. Оп.1. Д.1025. Л.327.
12. Эйсуль А. Латгальцы. // Сибирская Советская энциклопедия. Т.III. М., 1932. С.25.
13. ГАОО. Ф.1152. Оп.1. Д.1167. Л.52.
14. ЦДНИ ОО. Ф.7. Оп.2. Д.330. Л.64.
15. ГАОО. Ф.1152. Оп.1. Д.54. Л.11.
16. ГАОО. Ф.1152. Оп.1. Д.1166. Л.16.
17. ГАНО. Ф.Р-859. Оп.1. Д.10. Л.40, 41.
18. Тарасов А. Крещение деревни Хайдак // Известия. 2000. 6 июля.
19. ЦХИДНИ КК. Ф.10. Оп.1. Д.377. Л.30.
20. Там же.
21. ЦХИДНИ КК. Ф.1. Оп.1. Д.588. Л.131.
22. ЦХИДНИ КК. Ф.10. Оп.1. Д.218. Л.1, 1 об.

Сокращения

- БСЭ — Большая советская энциклопедия.
 ГАНО — Государственный архив Новосибирской области.
 ГАОО — Государственный архив Омской области.
 ЦДНИ ОО — Центр документации новейшей истории Омской области.
 ЦДНИ ТО — Центр документации новейшей истории Томской области.
 ЦХИДНИ КК — Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края.

ЛОТКИН Илья Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Связи с общественностью».

Дата поступления статьи в редакцию: 27.08.2007 г.
 © Лоткин И. В.

ЖЕНСКИЙ ПРОТЕСТ В ХОДЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ И КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

Приводятся многочисленные факты сопротивления крестьянок представителям Советской власти и ее сторонникам, осуществлявшим коллективизацию сельского хозяйства на территории Иркутской области и Красноярского края. Данный вопрос применительно к указанным регионам ранее никем не рассматривался.

Коллективизация сельского хозяйства, раскулачивание и ликвидация кулачества как класса — один из самых неоднозначных и трагических периодов отечественной истории. Будучи насилием над деревней, подкрепляясь беззаконием и произволом со стороны местных советских и партийных органов власти, данные мероприятия вызывали волну протеста со стороны крестьянства. В стране, по сути, шла настоящая гражданская война, и многие страницы этой войны до сих пор плохо изучены.

Ярким явлением в борьбе крестьян против коллективизации был женский протест или, так называемые «бабьи бунты». «В 1929 г. из 1307 массовых выступлений 486 были женскими, в 67 случаях преобладали женщины. В 1930 г., по далеко неполным данным, учтено более 3700 массовых выступлений почти исключительно женских по своему составу. В первой половине 1930 г. зарегистрировано 32% выступлений с преобладанием женщин, во втором полугодии — 40%, а в сентябре и октябре -55%» [1].

Советская власть утверждала, что основной причиной женских выступлений против коллективизации была иррациональная женская истерия, спровоцированная агитацией кулаков и подкулачников, разного рода неверными слухами и подкрепленная мелкобуржуазными собственническими инстинктами женщин. Если говорить об обобществлении мелкого продуктивного скота и коров, которые традиционно находились на попечении женщин, собственнические инстинкты вполне уместны. Между тем, если рассматривать женский протест в целом, становится ясно, что данное явление было вполне рациональным и закономерным ответом на коллективизацию. Аналогичным образом в период военного коммунизма женщины реагировали на продразверстку и мобилизацию мужского населения.

Активное противостояние крестьянок и Советской власти стало возможным из-за гораздо меньшей опасности женщин, в отличие от мужчин подвергнуться репрессиям. Материалы Ачинского окружного отдела ОГПУ свидетельствуют, что карательные органы не производили арестов в большинстве случаев массовых выступлений женщин. Например, сообщается: «В деревне Новокурск Березовского района сагитированные кулаками женщины — 50 человек — выступили с требованием пересмотра раскладки, угрожая убить уполномоченного. Аресты не произведены, идет разработка...

...В деревне Средней Березовке Назаровского района женщин 50 человек, сагитированные кулаками и

членами сельсовета, налетели на помещение последнего, разогнали торги имущества кулака. Ведется расследование, аресты не произведены. В зависимости от обстоятельств будут произведены...

...Группа женщин в 20 человек в селе Тисуль пришли в РИК, требуя у председателя хлеба. Разъяснительной работой вопрос урегулирован...» [2].

Когда у мужчин спрашивали, почему они не следят за своими женами и позволяют им выступать против Советской власти, в ряде случаев они отвечали, что Советская власть уравнила женщин с мужчинами и жены попросту их не слушают. Иногда это же служило оправданием невступления в колхоз или отказа от социализации имущества. Мужчины говорили, что жены не позволили им сделать это, так как обладают теми же правами на имущество, что и они, в противном случае женщины якобы угрожали им разводом [3].

Нередкими были случаи прямых столкновений женщин с представителями Советской власти. С одобрения мужчин они устраивали «волюнку» или громили общественные здания. В этих действиях мужчины не участвовали, оставаясь молчаливыми наблюдателями. Когда же местные активисты предпринимали попытку прекратить беспорядки и разогнать женщин, завязывалась драка и мужчины спешили им на помощь, избивая коммунистов, советских работников, колхозников. В этот момент они выступали как защитники жен, матерей, дочерей, что позволяло им избежать обвинений в антисоветской деятельности и сурового наказания [4].

Данная тактика, позволявшая активно противостоять мероприятиям власти и уходить от серьезной ответственности в годы коллективизации получила в деревне широкое распространение. Однако необходимо отметить, что далеко не всегда женский протест инспирировался мужчинами. Очень часто это был стихийный всплеск доведенных до отчаяния людей. В качестве повода не всегда выступали мероприятия Советской власти по организации колхозов или раскулачиванию.

Массовое выступление в селе Ирбей Канского округа 13 июня 1929 г. вспыхнуло из-за попытки местных властей использовать на детской площадке церковную ограду. На состоявшемся по инициативе райкома партии в церковный праздник Вознесение общем собрании женщин села Ирбей по вопросу хлебозаготовок и открытия детской площадки после заслушивания докладов была предложена резолюция — оказывать всемерное содействие сельсовету по дополнительным хлебозаготовкам. Однако собрание отказалось не только от предложенной

резолуции, но и вообще от дальнейшего обсуждения вопроса о хлебозаготовках и об открытии площадки. Разговор постепенно перешел на взятую в 1928 г. у церкви ограду. Женщины опасались, что инцидент с оградой — сигнал к тому, что скоро доберутся и до самой церкви. Началось бурное обсуждение и вскоре под влиянием верующих участников собрания толпа занялась огораживанием церкви.

Уговоры работников райкома партии и РИКа (районный исполнительный комитет. — **Е. И.**) прекратить данные действия впечатления на женщин не произвели. Подействовал лишь призыв остановиться со стороны священника. Он убедил женщин, что они подведут под арест и себя, и его. После этого все разошлись по домам [5].

24 февраля 1930 г. в с. Хомутово Иркутского округа состоялась «волынка», основными участниками которой также были женщины. Причиной волнений стал арест местного священника, отказавшегося выполнять трудовую повинность на лесозаготовках в качестве «нетрудового» элемента, и закрытие церкви. Оба эти события подтолкнули верующих к протесту. В этот день в селе проводилось партийное собрание, однако женщины, собравшись толпой до 300 человек, сорвали его и потребовали освобождения священника и открытия церкви [6].

Женщины в деревне отличались большей, нежели мужчины, религиозностью. Это проявилось еще в годы Гражданской войны, когда они с легкостью воспринимали бытовавшие слухи о якобы грядущем конце света и «слугах Сатаны» — коммунистах. С усилением нажима властей на деревню эти слухи вновь получили широкое распространение. Тем более что их зачастую озвучивали сами священнослужители. Так, в селе Половине Иркутского округа в октябре 1929 г. на похоронах мальчика священник произнес двухчасовую речь о том, что мальчик был наказан Богом за связь с нечистой силой — комсомольцами. В другом селе этого же округа священник говорил крестьянам: «Антихрист пришел и всех в колхозы загоняет».

В январе 1930 г. в селе Залари на тайном собрании верующих крестьян, организованном в помещении церкви, зажиточные крестьяне вместе со священником доказывали односельчанам, что о коллективизации и колхозах в Библии ничего не написано, а раз так, то крестьянам вступать в колхозы нельзя [7]. Широким распространением подобного рода слухов, восприимчивостью к ним можно объяснить то, что женщины более остро реагировали на выпады властей в отношении религии и церкви, нежели мужчины.

Примечательно, что до 1930 г. участие женщин в антисоветском движении почти исключительно прослеживалось в «волынках» (массовых выступлениях). В 1930 г., особенно во второй его половине, произошло активное вовлечение женщин в состав антисоветских группировок. Женщины-кулачки участвовали в совершении поджогов, разного рода вредительствах и прочих актах сопротивления [8].

По данным ОГПУ, в 1930 г. из 13 754 массовых выступлений в 3 712 в составе участников преобладали женщины. Работники ОГПУ считали, что за подобными выступлениями женщин стояла мужская часть села, в особенности кулачество. Однако это не соответствовало действительности. «...В частности, выражать протест женщин заставлял сам ход массовых репрессий в деревне: после ареста мужчин — глав семейств («кулаки первой категории») именно на жен последних власть возлагала ответственность за исполнение повинностей, за высылку и т. д. Именно женщины первыми отреагировали на появившиеся

весной 1930 г. признаки и проявления голода, которые карательная статистика уклончиво квалифицировала как «продовольственные затруднения» [9].

Некоторые действия женщин поражают своей смелостью и дерзостью и, скорее всего, были продиктованы голодом и отчаянием. 16 июля 1930 г. в базарный день в с. Тюхтет в райисполком пришла группа крестьян в количестве 30 человек, по социальному составу бедняки и середняки, преимущественно женщины, и стали требовать от райисполкома хлеба. Райисполком этой группе ответил, что хлеба они не получат, и посоветовал обратиться в свой сельсовет.

Из райисполкома женщины направились к хлебному амбару кооперации, в котором было около 500 пудов хлеба, и самостоятельно взяли три мешка хлеба — взять больше им помешал заведующий амбаром, замкнув склад. Тогда женщины начали кричать, требуя хлеба. На их крик с базара собрался весь народ. Толпа численностью свыше трехсот человек потребовала открытия амбара и выдачи хлеба.

Прибывшие на место коммунисты и представители власти уговаривали крестьян разойтись, однако их стали забрасывать палками и камнями. Вскоре крестьяне разобрали ограду, разбили дверь амбара и завладели мешками с хлебом. После этого все разошлись и разъехались по деревням района [10].

Ответ государства на женский протест разительным образом отличался от действий в отношении протестующих мужчин. Конечно же, репрессии также имели место, однако существовала тенденция большинство выступлений крестьянок объяснять их чрезвычайной аполитичностью, отсталостью и невежественностью. «Например, из 317 женских выступлений, о которых известны способы их ликвидации, в 213 случаях (67,2%) применялись уговоры и разъяснения, в 57 случаях (18%) — удовлетворение требований, в 40 (12,6%) — аресты активных участников и в 7 случаях (2,2%) — применение вооруженной силы...» [11].

Учитывая опыт активного участия женщин в повстанческом движении 1920-1921 гг. власть всячески старалась привлечь их на свою сторону. Активизировалась работа женотделов. Ежегодно увеличивалось число женщин-избирателей. «Например, в Иркутском и Канском округах в 1929 г. по сравнению с 1926 г. количество избирательниц увеличилось вдвое, в Тулунском округе — в 3 раза. Одновременно росло количество женщин-депутатов. Если в 1926 г. членами сельсоветов было избрано в Красноярском округе 10,5% женщин, в Иркутском — 16,2%, в Канском — 9,7%, то в 1929 г. соответственно 17,6%, 21,3% и 21,6%» [12].

Для обучения общественниц и воспитания их в соответствующем духе партийными организациями регулярно проводились разного рода совещания, конференции, курсы. Данная работа приносила коммунистам хорошие результаты. «Например, при пере выборах в Балаганске (Иркутский округ) женщины совместно с середняками и бедняками объединились вокруг ячейки партии и подавляющим большинством голосов провели всех выдвинутых кандидатов» [13].

Таким образом, женский протест в ходе коллективизации не был проявлением иррациональной женской истерии. Женщины выступали против разного рода насильственных действий властей, причем делали это нередко гораздо смелее, чем мужчины. Объяснением данной особенности служит несущественное наказание женщин за подобные действия.

Женщины раньше и в большей степени, нежели мужчины, отреагировали на притеснения в отношении церкви и священнослужителей, а также на продовольственные затруднения.

Уловив опасную тенденцию постепенного пере-
хода женщин от «волеынок» и митингов к насилию в
отношении сельских активистов, государство акти-
визировало работу по привлечению женщин на свою
сторону, преследуя при этом сразу две цели. Во-пер-
вых, обучить женщин, провести с ними соответствую-
щий идеологический и политический ликбез, дабы
отвратить их от кулаков, подкулачников и прочих
недовольных политикой советской власти в деревне.
Во-вторых, ставилась задача активно вовлекать тех
из них, кто в большей степени проникся коммунистиче-
скими идеями в политическую жизнь деревни
через участие в выборах, членство в Советах и партии
и т. д. Со временем из политически неустойчивого
элемента многие женщины превращались в провод-
ников Советской власти на местах и могли влиять не
только на своих мужей и родственников, но и на всех
односельчан. Таким образом, государство в очеред-
ной раз вносило раскол в семьи и в деревню в целом,
добиваясь полного ее подчинения.

Женский протест в ходе коллективизации в Ир-
кутской области и Красноярском крае ранее прак-
тически не изучался. Данная статья может быть ис-
пользована при составлении учебно-методических
пособий, подготовке лекций, спецкурсов и факуль-
тативных занятий по истории России, Сибири либо
конкретно Иркутской области и Красноярскому
краю. Материалы статьи также могут заинтересовать
исследователей истории протестного движения в
СССР и гендерных исследователей.

Библиографический список

1. Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской
власти в деревне (1928–1933 гг.). / Ивницкий Н.А. - М.:

Издательский центр Института российской истории
РАН, 2000.-С.195.

2. Государственный архив Красноярского края
(ГАКК). Ф. П-59. Оп.1. Д.693. Л.160.

3. Chris Ward. The Stalinist dictatorship, New-York,
1998. - P.224.

4. Там же. — P.111.

5. ГАКК. Ф. П-96. Оп.1. Д.734. ЛЛ.175-176.

6. Красильников С. Серп и Молот. Крестьянская
ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. / Красильни-
ков С. — М.: РОССПЭН, 2003. - С.37.

7. Степичев И.С. Победа ленинского кооперативно-
го плана в восточносибирской деревне. / Степичев И.С.
— Иркутск: Вост.-Сиб. книжное изд-во, 1966. — С.443.

8. Трагедия советской деревни. Коллективизация и
раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы.
В 5 тт. / Т.2; Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Био-
лов.- М.: РОССПЭН, 2000. - С. 794.

9. Красильников С. Указ. соч. - С.32-33.

10. ГАКК. Ф. П-59. Оп.1. Д.747. Л.6.

11. Ивницкий Н.А. Указ. соч. - С.196.

12. Кузьмина М.А. Борьба партийных организаций
Восточной Сибири за повышение политической актив-
ности женщин (1926–1929 гг.). / Кузьмина М.А. // За
советскую социалистическую Сибирь (к 60-летию ос-
вобождения Восточной Сибири от белогвардейцев и
интервентов). Часть II. — Иркутск: Изд. Иркут. ун-та,
1982. — С.29.

13. Там же.

ЕФРЕМОВ Илья Владимирович, аспирант.

Дата поступления статьи в редакцию: 01.09.2007 г.

© Ефремов И. В.

УДК 947.084.11

Н. С. КАЗАКОВА

Нижневартковский государственный
гуманитарный университет

О РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ОСТЯКО-ВОГУЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

Статья посвящена проблемам развития системы школьного образования в Ханты-
Мансийском автономном округе во второй половине 1930-х гг. Автор рассматривает
мероприятия центральных и местных органов власти по строительству школьной сети и
ее материально-техническое обеспечение, раскрывает проблемы обеспечения школ
педагогическими кадрами и их подготовки для национальных школ из числа коренного
населения, дает описание существовавших типов школ и учебно-воспитательного процесса
в них. Исследователь вводит в научный оборот новые количественные данные о школьном
строительстве, основанные на архивных источниках.

Цель настоящей статьи - выявить особенности раз-
вития системы школьного образования во второй по-
ловине 1930 гг. Для реализации цели поставлены зада-
чи: 1) проанализировать мероприятия центральных и

местных органов власти по строительству школьной
сети и ее материально-техническому обеспечению,
решения по разработке учебных программ и алфавита
для национальных школ; 2) рассмотреть проблемы обес-

Школьное образование в Остяко-Вогульском округе в 1935-1940 гг.¹

	1935	1936	1937	1938	1939	1940
Число школ всего	160	146	147	167	183	195
Число учащихся (в тыс.)	13,1	12,7	13,7	16,0	16,7	16,4
Число учителей	525	513	598	708	751	806

¹ Алексеева А.В. Социокультурная политика советской власти на Обь-Иртышском селюре в 1920-1941 гг.: приоритеты, формы осуществления и результаты. Екатеринбург, 2003. С. 84.

Количество учителей и учащихся в школах Ларьякского района Остяко-Вогульского округа во второй половине 1930-х гг.²

Учебные годы	Количество учащихся				Количество учителей	Всего учащихся
	Начальная школа	средняя школа	В т.ч. ханты ¹	Прожив. в интернатах		
1938	451	187	19	160	27	644
1939	538	189	40	251	33	729
1940	639	276	54	319	36	915

¹ Архивные данные свидетельствуют о том, что дети ханты Ларьякского района обучались в только начальных школах.

² Государственный архив Омской области (далее — ГАОО). Ф.1272. Оп.1. Д.60. Л.10-17.

печения школ педагогическими кадрами и их подготовки для национальных школ из числа коренного населения; 3) охарактеризовать существовавшие типы школ, особенности учебно-воспитательного процесса.

Изучение системы школьного образования в указанные годы показало, что ее развитие происходило в следующих направлениях: дальнейшее расширение школьной сети, увеличение охвата детей школой, перестройкой учебно-воспитательного процесса национальных школ в сторону советизации, что объяснялось особенностью проводимой национальной политики советского государства.

Осуществление всеобщего обязательного обучения для детей народов Крайнего Севера должно было произойти не позднее 1934 г. и в районах с кочевым населением — в 1935 году. К тому времени можно отметить оформление школьной сети. Со второй половины 1930 гг. увеличилось количество школ, учащихся и педагогов в них. (См.: табл. 1, табл. 2).

Из сведений таблицы следует, что с 1934/35 уч. г. общее количество школ и учащихся в них увеличилось в 1939/40 уч. г. почти на 20 %, а учителей на 15%. Пик увеличения количества учащихся приходится между 1937 и 1938 гг., что связано, усилением сталинских репрессий в эти годы и притоком спецпереселенцев.

Положительная динамика школьного образования была характерна и для самых отдаленных районов округа.

Всего на территории Ларьякского района в то время находилось 15 школ, две были средними школами¹.

Данные свидетельствуют о том, что за три учебных года количество учащихся увеличилось почти на 70 %, охват детей ханты обучением увеличился почти в три раза.

Какими же проблемами отмечена вторая половина 1930 гг. для развития школ? Главная из проблем это ветхость школьных зданий и их непригодность к обучению детей. Школы в большинстве своем располагались в обычных избушках. Обследование состояния школ по Самаровскому району, проведенному в 1938 г., показало, что большинство школ нуждались в ремонте полов и стен, в некоторых зданиях отсутствовали печи, часть школ просто не подлежали ремонту². Вместе с тем отмечалось тенденция к строительству новых школ. В 1939 г. обком ВКП(б) Омской области выделил на строительство школ в Кондинском, Ларьякском и Березовском районах 440 тыс. рублей³. Для строительства школ на Севере были направлены специалисты. Одним из источников финансирования строи-

тельства школ оставалось самообложение населения. В 1936 г. Омский облисполком провел самообложение, 65 % собранных от самообложения сумм направлялись на школьное строительство. Размер самообложения зависел от годового дохода и составлял от 7 до 80 рублей. Хозяйства аборигенов, расположенных на территории Остяко-Вогульского округа от самообложения освобождались⁴.

Увеличение количества школ во второй половине 1930 гг. произошло за счет строительства школ для детей спецпереселенцев. На 1 июля 1936 г. в Тобольской и Остяко-Вогульской окружных комендатурах из 8359 поселенцев дети и подростки в возрасте 11-16 лет составляли 3366 человек (40,3%)⁵. К 1935-1936 гг. положение с наличием школ для спецпереселенцев стабилизировалось. В Сургутском и Кондинском районах располагались школы I и II ступеней. Однако по разным причинам не все дети школьного возраста (от 8 до 18 лет) имели доступ к образованию. Таких детей было примерно 6-9%⁶.

По-прежнему неудовлетворительным оставалось положение с материальным обеспечением учебного процесса - не хватало учебников, не было оборудования по физике, химии, труду. Августа Платоновна Тушина, учитель школы в Зарямском спецпоселке, вспоминает: «Школьным помещением в поселке Заряме был пятистенный барак, в нем — две классные комнаты. Занятия проводились в две смены, в третью смену был ликбез. В первую смену занималась я с первым классом (учащихся было 70 человек), и учительница Валентина Николаевна Силова — со вторым и третьим классами (учащихся около 40 человек). Во вторую смену с четвертым классом занималась учительница Злобина София Александровна (учащихся 30 человек), в третью смену был ликбез. В 1938 году Зарямская начальная школа и Сытоминская начальная школа слились. Школа стала восьмилеткой»⁷.

Советская пропаганда рассматривала спецпоселения как средство трудового перевоспитания кулаков. Работа по перевоспитанию была ориентирована на воспитание подрастающего поколения в духе преданности советской власти, раскол семьи раскулаченных. И это имело определенные «успехи», так, О. А. Сеногноева в статье «Социально-психологические аспекты воспитания и образования детей спецпереселенцев в 30-е годы» приводит высказывания спецпереселенца: «Я высоко горжусь тем, что заслужил право голоса, сейчас я являюсь полноправным гражданином Советской власти - это для меня значит много, я молодой, и

носить ярмо, т. е. звание спецпереселенца, мне надоело. Сейчас я участвую на профсобраниях, учусь в вечерней совпартшколе...». Ссылная молодежь вовлекалась в группы содействия добровольным обществам - Союзу воинственных безбожников, Автодору, Российскому обществу Красного Креста, «Долой неграмотность» и др.⁸. По-прежнему права детей спецпереселенцев были ограничены. Попытки местных советских органов досрочно предоставлять по ходатайству хозяйственных организаций гражданские права молодежи, отличившейся в работе на производстве, активно участвовавшей в общественной жизни, лояльно относившейся к мероприятиям власти, успеха не имели. Формально спецпереселенцы получили гражданские права по Конституции 1936 г., но они не могли покинуть мест высылки. Во второй половине 1930 гг. государство идет на некие послабления. В 1935 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление «О школах в трудпоселках», разрешавшее выпускникам неполных средних и средних школ поступать в техникумы и вузы. Однако до 1939 г. «освобожденных на учебу» не было. В 1939 г. по постановлению СНК СССР от 22 октября 1938 г. дети спецпереселенцев по достижении 16 лет освобождались как «неправильно высланные» (дети, рожденные позднее 22 октября 1922 г.). Таким образом, дети спецпереселенцев к началу 1940 гг. уравнивались в правах с крестьянской и рабочей молодежью.

Проблемы обеспечения педагогическими кадрами школ и подготовки национальных педагогических кадров были характерны для второй половины 1930 г. На протяжении второй половины 1930 гг. учебные заведения по-прежнему испытывали нехватку преподавателей, существовали трудности с набором студентов. Ни вербовка, ни жесткая разверстка, не могли до конца 1930-х обеспечить выполнение плана по количеству мест. План выполнялся на 50-80 %⁹. Нужно отметить, что во второй половине 1930 гг. подготовка педагогических кадров в большой степени осуществлялась на территории округа. Активно продолжало работу Остяко-Вогульский национальный техникум, переименованный в 1939 г. в Ханты-Мансийское педагогическое училище. В 1934-1935 гг. состоялся первый выпуск в педагогическом техникуме: всего 8 человек — учителя начальных классов для национальных школ. Почти все выпускники поехали работать в национальные школы округа¹⁰. Архивные данные содержат достаточно интересный материал о содержании учебно-воспитательной работы студентов и их успеваемости. Принимались в училище лица, окончившие неполную среднюю школу, срок обучения составлял 4 года. Учебный план Остяко-Вогульского педучилища был типичным для всех педучилищ, и состоял из следующих дисциплин: педагогика, математика, история, хантыйский и мансийский языки, естествознание, физика, химия, русский язык, литература, география, физкультура, военное дело. Нужно отметить, что успеваемость студентов была невысокой, особенно в национальных классах, что объяснялось недостаточностью знаний и навыков, полученных в неполной средней школе, отчасти неумением преподавателей доходчиво объяснить материал, а также недисциплинированностью студентов¹¹. В свободное от занятий время, студенты проводили художественные вечера, участвовали в самодеятельности, посещали фото- и драмкружки, педагогический кружок. Яркие воспоминания о студенческой жизни в педучилище оставила Кузакова Евдокия Александровна. «В педагогическом училище я училась с 1935/36 учебного года: 3 года на подготовительном отделении и 3 - на основном (до 5 декабря 1941 года). Училась хорошо, за исключением разовой «двойки» по геометрии за чет-

верть. Правда, я ее пересдала тут же, но факт такой совершился. На подготовительном отделении нас считали маленькими, любили нас взрослые, а мы, несмышлениши, носили любовные записки девчонкам от мальчишек. Долго у нас были игры в «Чапаева», «Челюскинцев». Был у нас зимой каток возле училища, катались кто на чем мог. Очень любила выступать в художественной самодеятельности, которая неплохо была поставлена. Наряжалась в маскарадные костюмы в Новый год. Интересно и весело проходили костюмированные новогодние карнавалы. Помню, в костюмах снежинок мы с девчонками бегали через весь город в семилетку, где тоже учились дети ханты и манси. Учили нас игре на скрипке, но мое непонимание ее значения не привило мне этого умения, любви к скрипке. В хоровой и драматический кружки ходила с большим удовольствием. Может быть, эту любовь привила нам страстный и талантливый музыкант, певица Галина Марьяновна Иванова, руководившая кружком в педучилище... В общежитии проводилась большая санитарная работа: содержать свою кровать и тумбочку в образцовом порядке... Одним словом, жизнь кипела, молодость наша была веселой, беззаботной (учились на всем готовом). Дружно жили в общежитии и манси, и ханты, и зыряне, и русские»¹².

В документах содержатся указания на наличие материально-технических проблем - нехватке оборудования и учебников, а также отсутствие преподавателей по отдельным предметам¹³. В целом отсеб студентов по материально-бытовым причинам составлял 21-43% в год¹⁴. Продолжало работу заочное отделение училища по подготовке учителей для нерусских школ, срок обучения составлял три с половиной года. Помимо изучения общеобразовательных предметов, методики их преподавания и Конституции осваивались такие дисциплины, как педагогика, школьная гигиена, родной язык и литература¹⁵. В училище в 1939/40 уч. году работали 14 преподавателей, 9 из них имели высшее образование. Директор училища Иван Петрович Игнатов окончил Ленинградский пединститут в 1937 г.; кроме него еще трое были выпускниками этого вуза. Три педагога окончили Омский пединститут и два — Тюменский. Половина преподавателей были довольно молодыми людьми (окончили вуз в 1936-1938 гг.). Национальные языки преподавали учителя, не имевшие высшего образования. Язык манси преподавала Анисимова Мария Ивановна (окончила Высшие курсы при Ленинградском пединституте в 1932 г.), язык ханты преподавал Петр Яковлевич Хамзаров (окончил Ленинградский техникум народов Севера в 1938 г.)¹⁶.

Подготовка учителей для нерусских школ осуществлялась на краткосрочных курсах, о чем свидетельствует множество объявлений о наборе на курсы учителей, которые печатались в областной газете «Омская правда». Программа курсов тематически состояла из трех блоков: вопросы национальной политики, вопросы педагогики, методика преподавания отдельных предметов¹⁷. При комплектации групп обучающихся приоритет отдавался представителям малочисленных народов, знающим родной язык.

Таким образом, можно сделать вывод, что подготовка педагогических кадров для школ округа во второй половине 1930-х гг. стала носить систематический характер, о чем свидетельствует постоянный рост количества студентов и выпускников педагогических училищ. Учителя готовились не только как преподаватели отдельных предметов, но и как реализаторы идей национальной политики советского правительства.

По-прежнему оставалась проблема низкой квалификации учителей, текучки кадров. Так, директор Бе-

резовской средней школы описывал существовавшие проблемы в его школе, одной из которых является безучастное отношение к проблемам школы (зав. районо за текущий учебный год посетил школу один раз, инструкторы районо практически не посещали школы). Далее характеризовалась другая проблема - низкая грамотность учителей, где приводился пример, когда учительница русского языка в написании диктанта за 6 класс сделала 61 грамматическую ошибку; также отмечал, что преподаватели не были обеспечены необходимыми условиями для работы и проживания (не обеспечены квартирами), что являлось причиной большой текучки кадров (за три года в школе сменилось 49 педагогов)¹⁸. К вышесказанному следует добавить и задержки по выплате заработной платы, составлявшие 2-3 месяца. В документах содержится много примеров относительно применения педагогами однообразных форм преподавания, отсутствия наглядности, преподавания русского языка без учета особенностей родного языка, что приводило к низкой грамотности учеников. Учителя не владели родным языком учащихся. В 49 школах пяти районов Остяко-Вогульского округа только 19 учителей знали национальный язык хорошо, 27 учителей владели языком посредственно и 18 - плохо¹⁹. Руководители районных отделов образования зачастую не владели информацией о школах, находящихся в их подчинении, путали хантыйскую и мансийскую школы. Все это приводило к тому, что учителя, владеющего хантыйским языком, нередко посылали на работу в мансийскую школу и наоборот. Хотя были и исключения. Тамара Дмитриевна Гильц, работавшая в Ханты-Мансийске после окончания Омского педагогического института, вспоминает: «Заведующий окроно Иван Дмитриевич Непомнящих часто бывал в школе и уделял много внимания молодым учителям. Большинство учителей много работали над собой (читали, занимались музыкой, учились танцевать, ходили на лыжах). Стремлением к совершенствованию мы подавали пример своим учащимся. Помню, с какой любовью мы готовились к школьным вечерам. Я очень любила украшать зал и коридоры, особенно к Новому году. Заранее объявляли темы маскарада. И ребята, и учителя готовили костюмы».

Одной из проблем в обеспечении школ учительскими кадрами оставалась проблема частой смены учителей, что было характерно для всех культпросветработников. Важнейшей причиной их частой смены являлись низкая оплата труда и чрезмерная загруженность различными обязанностями и поручениями.

В отдельных национальных школах в тот период отмечается улучшение состояния учебно-воспитательного процесса. Показательной в этом отношении считалась Сосьвинская школа-интернат, где работал А. В. Голошубин. Корреспондент газеты «Омская правда», посетивший эту школу, так ее описал: «В школе-интернате образцовая чистота и культурная обстановка. Рядом с ними мастерские, где дети учатся обработке металла и дерева. В школе есть музей, в интернате — красный уголок и зал с небольшой сценой. Дети Сосьвинской школы выглядят опрятными и чистыми. Все они хорошо одеты и обуты. В школе учатся все дети школьного возраста. Родители привозят их в школу после зимних и весенних каникул. Грамотность в школе по сравнению с другими национальными школами высокая: среднее количество ошибок на одного ученика во 2 классе — 5,2». Далее автор рассказывает о том, что в школе часто инсценировались мансийские сказки, на уроках труда использовалась национальная орнаментика. Учителя Сосьвинской школы учили мансийский язык. Дети, возвращаясь к родите-

лям в юрты, рассказывали о том, как они занимаются, делали постановки комических сценок, физкультурных упражнений и пирамиды²⁰. Лучшей была признана и Казымская хантыйская школа-интернат.

В большинстве своем школы второй половины 1930 гг. «унаследовали» проблемы предшествующего периода. Эти проблемы нашли отражение в обсуждении основных задач, стоящих перед школами, на областном совещании знатных учителей, материалы которого опубликованы в газете «Омская правда». На совещании были определены основные проблемы национальных школ: низкая грамотность учеников, слабое материально-техническое оснащение, антисанитарное состояние школ, слабое методическое руководство школой со стороны отделов народного образования²¹. Причиной низкой успеваемости по русскому языку по-прежнему являлось то, что преподавание велось без учета национальных особенностей языка. Это было связано с отсутствием учителей, владевших национальным языком. Так, в 1936 г. в 49 школах пяти районов Остяко-Вогульского округа только 19 учителей хорошо знали национальный язык²².

Работу всех национальных школ осложняло отсутствие единства учебных планов в ситуации многонациональности состава учащихся. В 1934 г. вышло постановление ЦК ВКП (б) об утверждении во всех национальных школах страны единого учебного плана. С одной стороны, это облегчало процесс преподавания в национальных школах. С другой — явно свидетельствует об унификации преподавания в национальных школах.

В 1936 г. было принято решение о переводе языков северных народностей с латинизированного алфавита на русскую основу. Данное решение было аргументировано следующим образом: «использование русского алфавита с добавлением к нему нескольких...знаков даёт возможность сохранить орфографические принципы, свойственные русскому языку, что явится условием для более быстрого перехода от изучения родного языка к русскому и наоборот»²³. Однако, по мнению директора Института возрождения обско-угорских народов Е.Н. Немысовой, «перевод был осуществлен неудачно, имело место механическое перенесение условностей русского правописания к фонетическому строю хантыйского языка»²⁴. В 1937 году были утверждены новые алфавиты языков народов Севера, составленные на основе русской графики. С того времени началось полное переиздание на новом алфавите всей литературы, ранее вышедшей на северных языках.

В 1938 г., согласно постановлению ЦК ВКП(б) «Об обязательном преподавании русского языка в нерусских школах», школы перешли на обязательное изучение русского языка со второго класса. Значительно повысились требования по русскому языку для учащихся, заканчивающих национальные школы. В том же году произошли дальнейшие изменения в программе по русскому языку: увеличилось количество часов и его изучение начиналось со второго полугодия первого класса, тогда как по программе 1936 г. русский язык начинали изучать лишь со второго класса. Началось постепенное сокращение особых национальных школ, они преобразовывались в школы обычного типа. Таким образом, в изучаемый период отмечается курс на унификацию учебно-воспитательного процесса в национальных школах, что являлось отражением тенденций национальной политики государства во второй половине 1930 гг.

Обычные школы Севера получили наиболее широкое распространение и состояли из трех ступеней — начальная, неполная средняя и средняя школы. Обучение в неполной средней школе проводилось по предметам русский язык и литература, алгебра и геомет-

рия, естествознание, физика, география, химия, история, иностранный язык, рисование, черчение, физкультура²⁵.

Во второй половине 1930 гг. наблюдалась тенденция к укрупнению школ, преобразованию начальных школ в средние школы, продолжалось увеличение численности национальных школ и их постепенное преобразование в обычные школы, рост ассигнований на содержание учащихся в них.

Библиографический список

1. ГАОО. Ф. 1272. Оп.1. Д.60. Л.10-17.
2. ГАОО. Ф. 1272. Оп.1. Д.60. Л.16.
3. Центр документации новейшей истории Омской области (далее - ЦДНПО). Ф.17. Оп.1. Д. 1938. Л. 109.
4. О проведении самообложения на 1936 г. // Приложение к газете «Омская правда», 1936, 6 августа.
5. Сеногноева О. А. Социально-психологические аспекты воспитания и образования детей спецпереселенцев в 30-е годы // Наука и образование. Сб. научных статей. Омск, 2001. Вып. 19. Ч. 2. С. 360.
6. Там же. С. 370.
7. Из воспоминаний Тушиной Августы Платоновны. См.: Истории школы в истории судеб. Екатеринбург, 2004. С. 281.
8. Сеногноева О. А. Социально-психологические аспекты ... С. 372.
9. Гончаренко О.Н. Становление советской интеллигенции в Зауралье в 1917-1941 гг. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2005. С.21.
10. Воспоминания Пухленкиной Хионии Петровны. См.: Истории школы в истории судеб. Екатеринбург, 2004. С. 220.
11. Из отчета о работе Остяко-Вогульского педучи-

лища за 1939-1940 уч. год: из 154 студентов - 35 неуспевающих, окончивших на «хорошо» и «отлично» - 9, на национальном отделении не успевало 22 студента из 65. ГАОО. Ф. 1272. Оп.1. Д. 102. Л. 2-12.

12. Из воспоминаний Кузаковой Евдокии Александровны «Евра — мой мансийский край». См.: Истории школы в истории судеб. Екатеринбург, 2004. С. 144-145.

13. ГАОО. Ф. 1272. Оп.1. Д. 102. Л. 13.

14. Гончаренко О.Н. Становление советской интеллигенции... С.21.

15. ГАОО. Ф. 1272. Оп.1. Д.19. Л. 4.

16. Алексеева Л. В. Социокультурная политика... С. 124.

17. ГАОО. Ф. 1272. Оп.1. Д. 20. Л. 1.

18. Школы на Севере // Омская правда 1935. 29 июня.

19. Баландин А. Школы нашего Севера // Омская правда 1936. 5 августа.

20. Там же.

21. Голосов В. По-большевистски бороться за выполнение решений ЦК и СНК о школе// Омская правда, 1936, 15 января.

22. Баландин А. Школы нашего Севера...

23. См. об этом: Ишбаев М. М. Выход в свет: становление национальной школы в Ларьякском районе. Нижневартовск, 1998. С.28.

24. Там же.

25. Свидетельство об окончании Ларьякской неполной средней школы за 1939 г. Музейный фонд народного образования Омской области. ОМН 1.

КАЗАКОВА Наталья Сергеевна, соискатель кафедры отечественной истории.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.07.2007 г.

© Казакова Н.С.

УДК 07.00.09.

О. М. ВОРОНЦОВА

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ К. Н. УСПЕНСКИМ ИСТОЧНИКОВ ИКОНОБОРЧЕСКОГО ПЕРИОДА

На основании анализа монографий К. Н. Успенского и других источников были систематизированы материалы, освещающие проблемы иконоборческого периода в Византии VIII—IX веков, намечены пути дальнейшего исследования, радикально отличающиеся от всех делавшихся ранее попыток объяснить происходившие в то время процессы, до сих пор трактуемые неоднозначно из-за малочисленности аутентичных источников.

Работы К. Н. Успенского, посвященные периоду иконоборчества (одному из величайших кризисов в истории христианской церкви, который затронул все области жизни Византии, причем происхождение, значение и истоки конфликта остаются научной загадкой из-за недостатка источников информации), до

сих пор не были подвергнуты критическому осмыслению с точки зрения современной историографии.

К. Н. Успенский, один из немногих исследователей, который не только проанализировал, но и обобщил материалы иконоборческого периода, представленные иконопочитателями, обосновал весьма

популярные в не далеком будущем взгляды, получившие свое развитие в трудах историков советского периода М.В. Левченко, М.Я. Сюзюмова [1], но вряд ли ему удалось объективно решить проблему иконоборчества, которая во многом остается открытой до наших дней. В этой статье мы сконцентрируем внимание на вопросах о спорной оценке К.Н. Успенским таких источников, как «Краткая история патриарха Константинопольского Никифора», «Правила Святого Вселенского Седьмого Собора, Никейского», «Летопись Феофана Исповедника».

В иконоборческом течении, возникшем в Византии и длившийся более века, мы выделяем один аспект, объединяющий всех историков, писавших об этом религиозном движении - пояснение о скудости и односторонности состава источников [2, с. 316], в которых заключены сведения по истории иконоборчества.

Сохранившиеся источники относятся к победившей партии иконопочитателей, Успенский К.Н. считает, «в этих источниках господствует тенденциозный подбор и изображение фактов, не только затемняющие истинный их ход и значение, но часто прямо искажающие их. Основная задача этих писаний — показать значительность нечестивого гонения на иконы, показать еретичность и безбожие правительства, оказавшегося на враждебной стороне» [3, с. 210].

Историк выдвигает предположение, после победы иконопочитателей, источники иконоборцев были уничтожены, как еретические [3, с.210]. Его точку зрения разделяют А. А.Васильев, С. А.Терновский, вероятно, опирающиеся на изречения с Первого Никейского Собора: «Талия была сожжена. К счастью христианства, все экземпляры ее истреблены; осталось нам историческое сведение, что это сочинение дышало неистовым развратом» [4, с. 6]., а так же, вероятно, предполагающие, что именно так поступали со всей еретической литературой. В «Правилах Святого Вселенского Седьмого Собора, Никейского» мы находим опровержение этому предположению: «дабы положены были с прочими еретическими книгами» [5, с. 659].

Подтверждение существования источников иконоборцев, мы встречаем в Правилах Святого Вселенского Седьмого Собора, Никейского, «Все детские басни, и неистовые глумления, и живые писания, сочиняемые против честных икон, должно отдавать в епископию Константинопольскую» [5, с. 658-659]. Почему именно «в епископию Константинопольскую»? Основной организацией христианской церкви являлись епископаты, а после IV Вселенского собора (451 г.) и патриархаты. При патриархе Константинопольском, как и при императоре, состоял ряд служащих (великий протонотарий, великий иподимнатограф, логофет, иеромонихи и др.), в чьем ведении находились делопроизводство патриаршей канцелярии, библиотека и архив. Важнейшим было ведомство хартофилакса (именуемого также «великий хартофилакс» или «хартофилакс Великой церкви», т.е. храма Св. Софии). Первые упоминания о нем относятся к VI в. Обязанности хартофилакса заключались в управлении патриаршим архивом (акты соборов, переписка с другими патриархами и пр.). Помимо текущей переписки хартофилакс заведовал сакелой — хранилищем патриаршего архива, являвшимся одновременно и сокровищницей [6, с. 38-48].

Участниками VI Вселенского собора (680 г.) проводилась проверка достоверности огромного количества документов и текстов. Противники православия в поддержку своих взглядов часто приводили цитаты из не вполне соответствовавших принятым версиям важнейших церковных трудов. Защитники же православия нуждались в доказательствах того, что они взяты из «ис-

правленных» (урезанных или, наоборот, дополненных, по сравнению с оригиналом) сочинений. Разумеется, источниками таких доказательств могли служить только архив и библиотека патриарха. На протяжении всего обсуждения вопросов веры хартофилакс предоставлял в распоряжение императора и участников Собора аутентичные копии актов предшествовавших соборов, труды отцов церкви, регистры патриаршей канцелярии, различные документы и грамоты. Так, когда папские легаты пожелали лично сопоставить заподозренные в искажении тексты с копиями, предъявленными патриархом, хартофилаксу пришлось принести клятву в том, что копии полностью соответствуют оригиналам и иных копий в патриаршей библиотеке не имеется. На последующих заседаниях Собора хартофилаксу вменялось в обязанность предоставление писаний лиц, подозреваемых в ереси. Со временем хартофилакс становится одним из наиболее высокопоставленных чиновников в администрации патриарха; он объединял в своем ведомстве все прежние церковные службы (кроме тех, что имели исключительно священнические обязанности), рекомендует патриарху кандидатов на церковные и монастырские должности. Особенно убедительным подтверждением высокого положения и широких полномочий хартофилакса в этот период служат исполняемые им функции официального посредника между патриархом и духовенством: «хартофилакса и патриарха можно уподобить Аарону и Моисею» [6, с. 38-48].

Делопроизводство и организация хранения документов в Византии находились на достаточно высоком уровне. Принадлежавшими церкви документам хранилищами, зачастую пользовались и частные лица-миряне. По всей видимости, степень сохранности документов в архивах монастырей и церквей была более высокой, нежели у светских лиц [6, с. 38-48].

Письмо святого Епифания, на которое опиралась иконоборческая сторона, и его доказательства, считают ложными. Цари его времени, к которым сочинение его как бы было послано, не признали основания для уничтожения икон, как показывают храмы, ими воздвигнутые, и существующие священные изображения. Кроме того, церкви Кипрские свидетельствуют, что там никогда не слышали подобных речей. Павел, архиерей, в дальнейшем причисленный к лику святых, и Константин, бывший архиепископ того же острова, хорошо знавшие мнения святого Епифания, не признавали принадлежность слов, которые приписывали ему собравшиеся на лжесоборе [7, с. 104].

Подтверждение случаев фальсификации источников мы находим в трудах святого Викентия Лаврийского, написанных еще задолго до иконоборческого периода, в 434 г., что некоторые, замыслив пустить в ход свою ересь под чужим именем, берут большей частью малоизвестное сочинение какого-нибудь древнего мужа, «по неясности своей как будто благоприятствующее их учению», чтобы таким образом показать, что то, что они проповедают, что бы там ни было, проповедают не они первые и не они одни» [8, с. 152-160].

Открыть тайну исчезновения источников нам не удастся, но И.М. Медведев в работе «Очерки византийской дипломатики» рассматривает мировой фонд византийских частных актов и причину малого количества источников в период «длительной эпохи «темных веков» (VII-IX вв.)», темные из-за почти полного отсутствия источников того времени», он видит в двух катастрофических в отношении судьбы государственных и частных архивов завоеваниях Византии - латинского - 1204 и турецкого - 1453; «вспомним те 120 тыс. светских и церковных греческих книг, которые погибли в первые же дни после захвата тур-

ками Константинополя, сколько при этом сгорело документов, никто не считал», а также массовая гибель документов в обычных и частых пожарах; во времена вражеских набегов и запустений [9].

К. Н. Успенский в своей работе «Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII-IX в. Феофан и его хронография», сравнивая с «Краткой историей патриарха Константинопольского Никифора», отдает предпочтение последнему, утверждая, что на труд хронографа Феофана Исповедника «мало можно полагаться», обосновывая свое мнение необразованностью Феофана, называет его «убежденный иконодул», главной задачей которого было показать «всею скверну иконоборчества», не современник Льва III и Константина V, воспринимавший их через определенную схему и перспективу, переложенную на него деятелями церкви. Успенский, считая, целью исторической работы Феофан ставит «установление правды», но эту правду он и другие средневековые историки понимали весьма своеобразно ..., правда «во славу Божию», перед ней поникало все: и личные наблюдения и переживания и документальные данные [10, с. 150].

Источник «Краткая история патриарха Константинопольского Никифора» Успенский рассматривает «как будто более приемлемый», считая, что Никифор помимо Феофана или, правильнее, основного его источника, пользовался еще какими-то источниками, может быть, уцелевшими официальными документами, оставшимися недоступными для Феофана» [10, с. 152-160]. При этом заявлении Успенский не уточняет источник и основания, дающие возможность таких утверждений. У Феофана на этот счет в предисловии мы находим такое пояснение, что «надлежало, по возможности, приобрести для этого (написания) много книг и рассмотреть их. Таким образом, мы составили летопись (хронографию) от Диоклетиана до царя Михаила и Феофилакты, сына его, описали царей, патриархов, дела их, с показанием лет с возможной точностью. Сами от себя мы ничего не прибавляли, но, выбирая все из древних историографов и писателей, представили каждое происшествие, отчетливо в своем хронологическом месте, дабы читатели могли видеть, когда какого царя случилось какое-либо деяние военное, церковное, гражданское, народное, или какое другое» [11, с. 4].

Успенский считает, что «Никифор более сдержан по отношению к иконоборцам», на что Н.Л. Грацианский в «Хрестоматии средних веков» дает опровержение этому высказыванию: «Документ иллюстрирует историю иконоборческой реформы. Автор документа (патриарх Никифор) относится с явным не одобрением ко всей деятельности императора иконоборца Константина V Копронима» [12, с. 186].

Рассмотрим взгляды Успенского на эти источники, описывающие период правления Константина V.

Феофан в своей летописи дает характеристику Константину V как всегубительному, безумному, кровожадному, лютейшему зверю, обратившего власть свою к насилию и беззаконию, с самого начала отступившего от Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, от Пречистой и Пресвятой Богоматери и от всех святых, предавшего обману волхвов, неводержанию и кровавым жертвоприношениям, смотрел на пометы и мочу лошадей, радовался всем пороками демонским названиям, и от самого нежного возраста жил во всех душегубительных занятиях» [11, с. 302]. Такая характеристика представляет собой общее место в православной исторической и богословской литературе, Успенский считает, что к обвинениям должны относиться в высшей степени подозрительно, «и прежде всего по тому, что

они просто невероятны для византийского императора VIII века» [3, с. 214].

Обвинение Константина V Феофаном и Никифором в «разврате и во всех пороках», вызывает у Успенского бурю эмоций и противоречий самому себе [3, с. 214].

Карташев же по этому аспекту делает заключение: «Религиозный цинизм Константина доходил до того, что, казалось, он враг не православия, а всякой религии» [13, с. 600-607].

Далее мы встречаем утверждение Успенского, которое вызывает закономерные вопросы.

«"Народ", вопреки уверениям Феофана, с самого начала иконоборческого движения до первой «ири-нинской» реакции, по крайней мере, безмолвствовал, если не был на стороне правительства». Что дает возможность Успенскому делать заключения, по поводу «безмолвия народа» остается не совсем ясным. В житиях святых, чтимых православной церковью, пострадавших от гонений именно при Льве III, мы насчитываем девятнадцать человек, всего же за иконоборческий период только достоверно известных - сто пятьдесят пять человек [14].

В описании собора 348 епископов К.Н. Успенский пишет: «Феофан в своем рассказе берет даже иронический тон, с презрительной усмешкой изображая», не замечая, что такой же тон пронес через весь свой труд к летописи Феофана. При этом Успенский не отметил другие факты жизни Феофана Исповедника: «основал один за другим два монастыря; в качестве настоятеля одного из них принял участие в седьмом Вселенском Соборе; сочинение Феофана Исповедника пользовалось популярностью у современников: это доказывается широким распространением его как на Востоке, так и на Западе, где оно было переведено на латинский язык; один из первых жертв гонения Льва V, был, подвергнут жестокому мучению и за тем сослан на о. Самофракия; причислен к лику святых как Греко-восточной, так и Римско-католической церковью» [15, с. 101].

П. Г. Преображенский в своем труде «Новые задачи по изучению древнего памятника византийской историографии — летописи преподобного Феофана Сигрианского», на основании изучения и анализа двух рукописей греческой и латинской летописью, выносит «неоспоримое убеждение в том, что греческие списки с произведениями историографа отдалают нас от первоначального текста летописи, который представлен оригиналом, служившим Анастасию (монах, библиотекарь из Рима) для латинского перевода» [16, с. 12-13].

К. Н. Успенский, проанализировав материалы VII Вселенского собора, делает еще одно очень интересное заключение: «доверять отцам VII Вселенского Собора очень опасно: это очень хитрые и опасные люди говорящие не прямо, а экивоками, прячущие то, что их может скомпрометировать, и из Собора 753 года, выбравшие только то, что им было не опасно, опять-таки ту «якобы ересь» - отрицание икон, которую легче всего опровергать» [3, с. 211], также рассматривает богословские сочинения с исторической точки зрения, делает вывод, не заостряя внимание на самой направленности текстов, которая характеризует термин «богословие» - «как всякое учение об истинах христианских» [17, с. 361]: «Дело является суженым и искаженным. И как историческим источникам, этими речами мы воспользоваться можем лишь с большими оговорками и сложностями» [10, с. 158].

К.Н. Успенский отрицает богословское влияние на возникновение иконоборческого движения, и в связи с этим просматривается спорное отношение к источ-

никам богословского характера, т. к. причину этой борьбы, он видит в секуляризации монастырских земель. Другие источники на которые К. Н. Успенский опирался и строил свои заключения, в эту статью не входят, их мы рассмотрим в следующий раз.

Библиографический список

1. См. Левченко М.В. История Византии. ОГИЗ М.1940. Стр. 119.
2. Сюзюмов М.Я. Проблемы иконоборчества в Византии. Свердловск. 1948.
3. Васильев А.А. История Византийской империи. Время до крестовых походов. - СПб.: Алетей, 1998. - 512 с.
4. Успенский К.Н. Очерки по истории Византии. - М., 1917.
5. Игнатий Брянчанинов. «Слово в неделю православия» / Брянчанинов И. // Анафема. История и XX век / Составитель П. Паламарчук. - М.: издательство Сретенского монастыря, 1998. - 430 с.
6. Правила Святого Вселенского Седьмого Собора, Никейского/Правила святых Вселенских Соборов с толкованиями — М.: Паломник, 2000 -736 с.
7. Меньшиков А.В. Из истории архивов Византийской церкви X-XV вв. / А.В. Меньшиков// Отечественные архивы. - 2005. - №. 4. - С. 38-48.
8. Никифор, патриарх Константинопольский. Защитительное слово ко Вселенской Церкви относительно нового раздора по поводу честных икон / Творения святого отца нашего Никифора, архиепископа Константинопольского — Минск, 2001. — 559 с.
9. Чельцов И.В. Собрание символов и вероизложений Православной Церкви от времен апостольских до наших

дней // Христианское чтение. 1869. - № 5 С.152-160.

9. И.М. Медведев «Очерки византийской дипломатики», Ленинград. Издат. «Наука», 1988. - 260 стр.
10. Успенский К.Н. Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII-IX в. Феофан и его хронография. М.: АН СССР, 1951. - 110 с.
11. Летопись Феофана Исповедника / Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. (Под заведованием Бодянского О.М.) — М.: В университетской типографии на Старом Бульваре, 1891 г. - 370 с.
12. Хрестоматия по истории средних веков. / Под ред. Грацианского Н.Л.: В 3 т., -М.,1946. - 402 с.
13. Карташев А.В. Вселенские Соборы. Клин, 2002. - 680 с.
14. Жития святых, чтимых Православной церковью/ Сост.Филарет Черниговский. В 12 т. М.: издательство Сретенского монастыря. 2000.
15. Христианство. Энциклопедический словарь: В 3 т. - М.: Большая Российская энциклопедия. Т. 3. 1995. - 782 с.
16. Преображенский П.Г Новые задачи по изучению древнего памятника византийской историографии — летописи преподобного Феофана Сигрианского. — Вена, 1912.
17. Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2 т. - М., 1992. Т.1. — 1120 с.

ВОРОНЦОВА Ольга Михайловна, аспирант кафедры всеобщей истории.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.06.2007 г.
© Воронцова О. Н.

УДК 39

Д. М. ЛУКМАНОВА

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ БАРАБИНСКИХ ТАТАР КАК ИСТОРИКО- ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В данной работе ставится задача извлечения из фольклора барабинских татар историко-этнографических сведений. Основной источниковой базой послужили полевые материалы. Большинство материалов впервые вводится в научный оборот. Результаты исследования могут быть использованы в курсе лекций и теоретических семинаров по фольклору и этнографии сибирских татар, в частности барабинских.

Повышенное внимание ученых к фольклору объясняется тем, что он является неотъемлемой частью народной культуры и способствует стабильному существованию социумов. Неслучайно исследователи с целью воссоздания исторического и этнокультурного развития этносов обращаются непосредственно к произведениям устного народного творчества. Тем более что в достоверности большинства из них нельзя усомниться - данные многих фольклорных материалов находят своё подтверждение и в других источниках.

Объектом данного исследования являются исторические предания и легенды барабинских татар, содержащие в себе ценные историко-этнографические сведения.

Предметом научного поиска составляет информативность данных материалов в процессах реконструкции разных сторон этнической истории.

Автор статьи задается главной целью — показать насколько информативными могут являться данные фольклорные материалы в вопросах реконструкции

общей картины исторического прошлого барабинских татар, а также в выявлении этнокультурных процессов, проистекавших на определенном отрезке времени. Автор не претендует на выдачу развернутого и обстоятельного изложения сюжетов преданий и легенд, поскольку не представляется это возможным в рамках данной публикации. Поэтому ограниচিতся лишь их кратким обзором и анализом.

В данном исследовании автор статьи опирается на полевые материалы этнографических экспедиций Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, а также Томского государственного университета. Использованы фольклорные записи, произведенные лично автором данной статьи во время командировок в Новосибирскую область в 2004-2005 гг. в Венгеровский, Куйбышевский, Чановский районы. Личные записи автора произведены на диалекте барабинских татар.

Почему именно на преданиях и легендах автор статьи решил заострить свое внимание? Приоритетность данным фольклорным произведениям отдана не случайно. Дело в том что в ходе анализа материалов становится очевидным, что в фольклоре барабинских татар преобладают предания (риваят) и легенды (уйтырма). Собственно это и является основным критерием отличия фольклора барабинских татар от устного народного творчества других этнотерриториальных групп сибирских татар. В работе автор использовал классификацию В.И. Васильева [1], который делит предания и легенды на 3 группы: 1). Имеющие четкую хронологическую привязку; 2). Повествующие о фактах исторически достоверных, но не имеющих документально подтвержденной хронологии; 3). Достоверность данных не подтверждается.

Предания, как известно, содержат в себе наибольшее количество исторических фактов, нежели другие жанры. Как отмечает В. К. Соколова, «предание — передаваемая из поколения в поколение устная народная летопись, основное назначение их — сохранить память о важных событиях и деятелях истории, дать им оценку» [2]. В основе предания, как правило, лежат сведения о реальных исторических событиях или достоверных исторических личностях. А легенды же, в свою очередь, содержат в себе наименее достоверные сведения, поскольку в них отражены не иначе как фантастические представления барабинцев. Хотя и в них иногда встречаются сведения о достоверных исторических лицах. Общее количество преданий и легенд огромно и все они весьма разнообразны по сюжету. Итак, предания по своему содержанию составили несколько наиболее главных сюжетных групп: заселение и освоение Барабинской степи, жизнь и религиозные представления аборигенов данного региона, межэтнические отношения барабинских татар, исторические личности, борьба с внешними врагами.

Достаточно много преданий в экспедиционных материалах содержится о заселении и освоении Барабинской степи. Барабинские татары это одна из этнических групп сибирских татар, проживающих в Барабинском, Венгеровском, Каргатском, Куйбышевском, Кыштовском, Усть-Таркском, Чановском районах Новосибирской области. Сами себя барабинские татары называют, сохраняя территориальное (географическое) название, бараба [3]. Откуда же пошло само название «бараба»? Обратимся к нашим источникам. Наши материалы выдвигают две версии происхождения названия «бараба». Согласно первой версии, по одной из легенд местного населения, хан Кучум повелел построить здесь крепость. Ворота

должен был поставить самый сильный его батыр, и заложить в ее основание того, кого он увидит первым с утра. Батыр первым увидел ребенка, но пожалел его и заложил в основание ворот собаку, которая шла за ребенком. Хан узнал про этот обман и сказал, что здесь скоро будут жить одни собаки. «Ну, тогда нам, мусульманам, здесь делать нечего. Откуда мы родом, туда и пойдем!», - сказал Кучум-хан и отправился в Монголию. На призыв Кучум-хана пойти за ним барабинцы ответили: «Баратар, барарбис!» («Вы пока идите! А мы придем!») [4]. Удивительно, что данная легенда перекликается с известной легендой казанских татар об основании г. Казани. Сюжет легенды, вероятнее всего, был заимствован от казанских татар и, на наш взгляд, в предубежденной форме говорит о приходе русских. Подобный сюжет легенды встречается и в материалах, собранных в ауле Тандово: «Кучум их (местных). — Д. А. звал, а они не уехали, в ответ сказали «бараба», что в переводе означает «не ходи», с тех пор стали их называть «бараба» [5]. Об этом пишут Е.С. Филимонов [6], З.Д. Титова [7]. Согласно второй версии, кстати, эта версия наиболее четко обозначена в предании, приводимом Л. В. Дмитриевой, барабинцы были южного происхождения. «Где-то на юге жил старец по имени Барам. И явился к нему во сне один из богов и сказал: «Иди, Барам, в полуночную сторону и найдешь страну, богатую пушными зверями, птицей и рыбой, и поселись там...» [8].

Весьма интересен сюжет легенды о предках барабинцев - сибирях, проживавших в Барабинской степи. Вот что рассказал Ягудин А.Ш., 1935 г.р.: «Раньше здесь жил народ сибиря — это и есть барабинские татары. Шел кочевой народ сибиря, но от него остался один охотник с семьей. От него и пошли барабинские татары. Охота была хорошей, постепенно стали собираться люди. Они назвали эту степь барабинской. А затем народ стал постепенно приходить и назвал местных жителей барабинцами. Жили вначале только охотой» [9]. Подтверждение данным словам можно найти в работе Н.А. Миненко, который приводит легенду о сыбырах. Согласно этой легенде, «сыбыры (сибиря), когда-то жили в Барабинской степи, но однажды с севера надвинулись тучи, пошли дожди, а затем стала расти тайга. Одновременно появились комары, мошки и т. д. Часть сыбыров не выдержала и ушла на юг, а остальные, не желая покидать родину, бросились в озера и утопились» [10].

В фольклоре барабинцев, несмотря на то что эта территория отделена от мест проживания тоболо-иртышских татар, также бытуют в своеобразной форме исторические предания и легенды о борьбе хана Кучума с Ермаком, о том, как русские купили земли за бычьей шкурой у татар с появлением там первых поселений. Часть этих сюжетов была занесена тоболо-иртышскими татарами. Но кроме них в фольклоре важное место отводится сюжетам, связанным с образами народных героев, защитников народа от иноземных завоевателей. У барабинцев, больше чем у других групп сибирских татар, бытуют эпические предания и легенды о народных героях-батырах. И это не случайно. Ведь на протяжении длительного периода своей истории в далеком прошлом барабинцы вели самоотверженную борьбу с казахскими и калмыцкими завоевателями. У барабинских татар сохранились многочисленные предания о войнах с казахами, а в дальнейшем — с джунгарами (калмыками) [11]. Казахские ханы не раз со времен Кучума с целью расширения границ своих кочевий нападали на селения барабинских и тарских татар. Об этом факте указывает Г.Н.

Потанин в своей работе, где говорит о частых набегах киргизов и калмыков: «Киргизы не только отбирали, но и забирали их самих в плен, обращали в рабство. С другой стороны, барабинцы подвергались хищническим набегам калмыков, которые толпами уводили их в плен» [12]. Несомненно, в то грозное время не могла не выделиться плеяда защитников своего народа, таких как Карамальгале, Кунурбай, Насик, Оклега [13]. Предания и легенды, в которых выступают народные герои, можно классифицировать по степени значимости той общественной роли, которая была выполнена батырами. Внимательно анализируя предания и легенды, можно заметить, что эти герои наделены всеми богатырскими чертами, такими как высокий рост, громкий голос, нечеловеческая сила, громадная воля, абсолютное бесстрашие. Так, например, батыр Оклега один бьется с десятью противниками, его лук пробивает шесть человек, от его крика падают деревья. Батыр Насик за день на лыжах преодолевает громадное расстояние, которое не под силу простому человеку. События в этих преданиях не всегда совпадают по хронологии с историей, но отражают какие-то эпизодические моменты этнических процессов, происходивших в среде барабинских татар. Так, борьба с кочевниками велась не только за национальную независимость, но и за расширение территории. Предания отражают как военные столкновения, так и этногенетические контакты с теми же казаками и калмыками. Татарские батыры берут себе в жены степных красавиц, дочерей и сестер вчерашних врагов. Через образы батыров можно проследить и нарастающие связи с Русским государством, на которое смотрели как на защитника от набегов кочевников. Например, широко распространены сюжеты о поездке татарских батыров на лыжах, которые наделены чудесными свойствами, к русскому царю за военной помощью. Потому и утверждается, что русские появились здесь в качестве защитников от кочевников по приглашению местных батыров через их прошение к царю. Вообще, культ коня характерен для всех тюрков, но, как отмечают исследователи, для барабинского эпоса «...характерно отсутствие или пассивная роль коня...» [14]. Данное утверждение совершенно справедливое, в барабинских легендах единственным средством передвижения являются лыжи, а образ коня отсутствует. Лыжи встречаются в фольклоре многих народов, например, в одном из фрагментов олонхо описываются аналогичные «волшебные» лыжи тунгуса Бохсоглай Боотура, с помощью которых была украдена младшая сестра Нюркуна несравненная Алтын Куо [15]. Именно сюжеты богатырских преданий с описанием волшебных лыж указывают косвенно на связи барабинцев с хантами и манси, а также на связь с манси есть прямые указания и на почве религии — рассказ очевидца о камлании шамана у хантов [16]. Отражается влияние и алтайцев, хотя не столь значительное. Так, например, аналогичен сюжет барабинской легенды о ласточке [17] и хакасской легенды «Комар и ласточка» [18].

Немало преданий фиксируют приход в Барабинскую степь поволжско-приуральских татар, русских и других этносов, и данные сведения позволяют более или менее реконструировать картину процесса заселения Барабы. Заселение Барабы русскими началось еще в XVII в. и приняло интенсивный характер в XVIII в. [19]. В фольклоре подчеркивается, что наряду с казаками (донскими), русскими солдатами и крестьянами приходили и чуваша [20]. Приход же казанских татар объясняется самими барабинцами по-разному. Так, жительница д. Аялудк С.М. Юсу-

пова считает, что приход переселенцев связан с тем, что «при Николае II не брали барабу в армию. Приходили не только поволжско-приуральские, но также белорусы, латыши, казахи и другие народы» [21]. Некоторые из информаторов связывают переезд поволжско-приуральских татар в Барабинскую степь в связи с голодом 1921 г. [22]. Сами барабинцы называли переселенцев «самоходами», они не являлись ссыльными и считались людьми, пришедшими в Западную Сибирь по собственному желанию. Сосланных же людей барабинцы называли «пропитан», то есть, как объяснил информатор, для «пропитания присланные» [23]. Часто основателями деревень являлись не барабинские татары, а представители других этносов. Так, в одной исторической легенде об основании д. Тармакуль говорится о том, что основателем был «пришлый» — казанский татарин по имени Ибрагим [24]. Он прибыл на место, которое называлось Малый Умар. По словам информатора, он не только был распространителем грамотности, но и приобщил к земледелию барабинцев [25].

Фиксируется в полевых материалах, правда, несколько скуповато, и приход на барабинские земли бухарцев — распространителей мусульманской религии, вместе с тем носителей грамотности, «приезжих из Уфы и Казани было гораздо больше», бухарцев они (барабинцы. — Д. Л.) называли татарами [26].

Легенды, как уже говорилось, дают исследователю наименее достоверные сведения, поскольку в них отражены не иначе как фантастические представления барабинцев, которые в то же время воспринимаются как достоверные. Поскольку ислам разрушил прежнюю мифологическую систему, уцелеть удалось лишь образам низшей мифологии. Именно на уровне низшей мифологии и была распространена вера в духов-хозяев, в духов-покровителей (иясе). Представлены в барабинском фольклоре практически все образы татарской демонологии: домовый, русалка (суванасы), шайтаны, колдуньи (сигэрча) и другие персонажи [27]. Опираясь на материалы, можно с уверенностью сказать, что все демонологические образы были связаны прежде всего с местными традициями ведения хозяйства. Исследователи отмечают, что в хозяйственной деятельности барабинских татар большую роль играли рыболовство и охота [28]. И нужно полагать, что большинство демонологических образов были напрямую связаны с данными промыслами. Анализ показал, что сюжеты о нечистой силе у барабинцев, взятые в общих чертах, мало чем отличаются от аналогичных сюжетов у других групп сибирских татар. Более того, подобные сюжеты можно наблюдать и у других народов. Сюжеты преданий повествуют о поклонении куклам — курчак, о том, как в старину задабривали кукол, «кормили» их [29]. Есть сюжеты, рассказывающие о поклонении медведю [30].

Несомненную ценность представляют также и упоминания в преданиях и легендах о различных компонентах материальной культуры, таких как традиционные средства передвижения (лодка - кима, лыжи — цанга, сани — цана), жилище, народная одежда, пища, домашняя утварь, орудия труда, то есть все то, что в полной мере способно передать этническую специфику культуры и быта барабинских татар. Как справедливо отметил К.В. Чистов, фольклором был пронизан, буквально пропитан весь народный быт во всех его проявлениях [31]. Фольклор «в ряде случаев фольклорные материалы доставляют ценные и заслуживающие доверия сведения» [32], которые позволяют осветить круг вопросов, связанных как с этнической историей, так и с традицион-

но-бытовой культурой барабинских татар. Так, по преданиям вполне возможно проследить состояние материальной культуры барабинских татар на определенном отрезке времени и выявить изменения, которые произошли в последующие периоды истории. В преданиях содержатся сведения, передающие описание того или иного элемента материальной культуры, бытовавшего у барабинских татар. Так, например, известно, что раньше барабинские татары использовали лыжи с мехом [33], так называемые поволоки. Если мы обратимся к нашим материалам, то заметим, что данный тип лыж очень часто фигурирует в легендах о батырах. И это неудивительно, ведь лыжи были обязательным атрибутом барабинского охотника. На лыжах (цонга) барабинцы совершали поездки как на дальние, так и на ближние расстояния [34]. В легенде о Чурум-батыре говорится о том, что до Москвы доехали на лыжах за 15 дней [35]. Но следует подчеркнуть наличие одной особенности: лыжи в фольклорных сюжетах легенд представлены в несколько ином ракурсе, они наделены неким сверхъестественным свойством, элементом волшебства и обладают невероятно высокой скоростью скольжения по снегу, настолько быстрой, что батыру преодолеть длинное расстояние оказывается легко выполнимой задачей; как говорится в одной легенде, барабинский батыр: «...летал на них в Москву» [36]. Даже принимая во внимание то, что барабинский охотник с целью придания своим лыжам лучших свойств скольжения, регулярно смазывал обычным конским салом, нетопленным, сложно поверить в возможности батыра преодолеть такое расстояние. Но учитывая, что мы имеем дело с легендой со свойственной ей долей преувеличения, приходится не заострять на этом моменте свое внимание. Из преданий стало известно, что лыжи данного типа были распространены у барабинцев, проживающих в северных районах, то есть речь идет о Кыштовском, Венгеровском районах [37].

Зафиксированы также сведения и о старинных типах жилища барабинских татар. В частности, в легендах о «пичин» можно встретить упоминание о жилище, чаще всего это были промысловые постройки [38]. Предания и легенды барабинцев являются также и источником по изучению хозяйственной деятельности. Например, в легендах часто говорится о рыболовстве и охоте, которые считались традиционной специализацией барабинцев. «Скотоводство, видимо, тоже имело определенное, но не основное значение. Отсюда и отсутствие коня в фольклоре» [39]. И это не могло не найти отражения в их устном народном творчестве.

Итак, обзор материалов показывает, что предания и легенды барабинских татар охватывают практически все сферы человеческой жизнедеятельности и отражают особенности их истории и культуры. Было проанализировано большое количество исторических преданий и легенд барабинских татар. Большинство экспедиционных материалов впервые вводится в научный оборот. Следует отметить, что фольклорные материалы обладают достаточно высокой степенью информативности. Фольклорные материалы информируют нас о многих сторонах жизни барабинских татар. Если говорить о культурном влиянии, то, основываясь на преданиях барабы, можно видеть, как меняется быт сибирских татар под воздействием пришедших «русских» татар, а также русских. Мы видим, насколько способными оказываются исторические предания и легенды реконструировать картину про-

шлого данного региона. Как видим из источников, это не только этнокультурные связи, но и военные столкновения. Легко просматриваются межэтнические связи барабинских татар с другими этносами с русскими, поволжско-приуральскими татарами, башкирами, алтайцами, якутами, манси, хантами, хакасами. Отсюда и та огромная ценность фольклора барабинских татар как историко-этнографического источника.

Библиографический список

1. Васильев В.И. Исторические основы некоторых жанров фольклора народов Севера // Фольклор и этнография. — Л., 1984. — С. 137-142.
2. Соколова В.К. Жанровые особенности исторических преданий и их основные типы // Хрестоматия по фольклористике. - Москва, 2003. - С.272.
3. МЭЭ ОмГУ 1975 г. Ф. I, Д.1-1, К.8.
4. МЭЭ ОмГУ, Ф. I, Д. 1-28, К. 155; личные полевые материалы 2005 г., аул. Усманка Чановского района Новосибирской области, информатор Ибатурина Хатича Айповна, 1934 г. р.
5. МЭЭ ТГУ 1973 г. Т. 503-1, Л.36; МЭЭ ТГУ 1971 г. Т. 503-1, Л. 7,8.
6. Филимонов Е.С. Экономический быт государственных крестьян-инородцев Северо-Западной Барабы или Спасского участка Каинского уезда. - СПб., 1892. - С. 50-51.
7. Титова З.Д. Барабинские татары // Из истории Сибири. - Вып. 19.- Томск, 1976.
8. Дмитриева Л.В. Язык барабинских татар. - Л. 1981. - С.19.
9. МЭЭ ОмГУ 1975 г. Ф. I, д. 1-1, К. 61.
10. Миненко Н.А. История Новосибирской области с древнейших времен до конца XIX в. - Новосибирск, 1975. - С.18-19.
11. МАЭ ОмГУ. Ф.И., д. 71-1, К.69.
12. Потанин Г.Н. Бараба. // Живописная Россия, т.11. Западная Сибирь. СПб.- М.,1894.- С. 102.
13. МАЭ ОмГУ. Ф.И.д. 3-1. К. 186, 274; Д. 3-9. К. 4, 5, 6, 7, 14.
14. Тумашева Д.Г., Ахметова Ф.В. Этнические группы сибирских татар по языковым и фольклорным данным // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1983. — С. 24.
15. Нюргун Боотур стремительный. — Якутск, 1975. — С. 240.
16. МЭЭ ОмГУ, 1977, К. 144, 178; МЭЭ ОмГУ, 1977, К. 156.
17. МЭЭ ОмГУ, 1973, К. 30-31.
18. Коре Сарыг на буланом коне. Хакаские народные сказки, предания и легенды. — Новосибирск, 1974. — С. 119.
19. Ноздрин Г.А. Колонизация Барабы в XVI- начале XX в. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Ч.I, Омск, 2004.- С.66-67.
20. МАЭ ОмГУ. Ф.И. д.3-9, К.20.
21. МЭЭ ОмГУ 1975 г. Ф.И, д.-1-1, т. 4-16, л.л.31-31.
22. МЭЭ ТГУ 1972 г. Ф.И, т.542-3, л. 36.
23. МЭЭ ТГУ 1971-1973 гг. Ф. I. Д. 72-14, 1971-1973. К. 168.
24. МЭЭ ТГУ 1971-1973 гг.Ф. I, д.72-8, ТГУ 1972, к.172.
25. МЭЭ ТГУ 1971-1973 гг.Ф. I, д.72-8, ТГУ 1972, к.169.
26. МЭЭ ОмГУ 1975 г. Фонд I, Д. 1-1, К.8.
27. МАЭ ОмГУ. Ф.И. Д.3-1. К.14, 16, 23, 163.
28. Титова З.Д. Указ.соч. С. 117.
29. Дмитриева Л.В. Указ. соч. - С. 90.
30. Дмитриева Л.В. Указ. соч. - С. 15.
31. Чистов К.В. Фольклор и этнография // Фольклор и этнография. — Л., 1970.- С. 4.

32. Левин М.Г. Этнографические и антропологические материалы как исторический источник // СЭ. — 1961. - № 1 — С.20-29.
33. МАЭ ОмГУ, 1975, Ф.1., Д.1-7, К.60.
34. МЭЭ ТГУ, 1971, Т. 503-1, Л.27.
35. МЭЭ ТГУ, 1973, Д. 72-3, К. 214.
36. МАЭ ОмГУ 1975 Ф. 1. Д.76-1, К.220.
37. МЭЭ ТГУ, 1971, Т.503-1, Л. 12-13.
38. МЭЭ ОмГУ 1975, Ф.1, Д. 1-3, К. 109.
39. Томилов Н.А. Фольклор — история — быт (по материалам фольклора барабинских татар). // На-

родная культура Сибири: Материалы VIII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. - Омск, 1999. - С. 61.

ЛУКМАНОВА Динара Маликовна, старший лаборант музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.07.2007 г.
© Лукманова Д.М.

УДК 159.922.4 : 930

И. Е. ПЕСТРИКОВА

Омский государственный
технический университет

ПОНЯТИЕ МЕНТАЛИТЕТА: К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье предлагается анализ подходов к определению понятия «менталитет» зарубежных и отечественных ученых. Автор рассматривает термин «менталитет» в ракурсе нескольких наук и предлагает свое определение.

Современное российское общество является многонациональным. Мирное сосуществование и необходимость плодотворного взаимодействия на благо нашего государства представителей разных национальностей, культур и религий актуализирует потребность в изучении и осмыслении сущности национальных особенностей, поиске новых подходов к «национальной идее». В этой связи важнейшим узловым компонентом выступает понятие «менталитет».

Еще в древние времена представители западной культуры удивлялись «загадочной русской душе». Почему, имея самую большую по площади, протяженности, самую богатую по запасу полезных ископаемых страну в мире, имея уникальное культурное наследие, Россия по социально-экономическому развитию значительно отстает от экономически развитых государств мира? Большое количество ученых пытается дать объяснение этому вопросу с позиции объективных условий, но до сих пор не существует четкого видения роли так называемого «человеческого фактора», являющегося сердцевинной менталитета. Почему, к примеру, не в полной мере удалась благоразумная по своему замыслу Столыпинская аграрная реформа? Почему происходила пробуксовка многих других «целесообразных» реформ как в царское, так и в советское время, да и особенно — нынешнее...

Слово «менталитет» происходит из позднелатинского корня «mens», что означает «умственный», «мышление», «образ мыслей», «душевный склад». Вместе с тем истоки этимологии ведут нас еще далее, в глубь веков. Упомянутое «mens» в различных вариантах присутствует уже в санскрите и встречается в Упанишадах в значении «связанный с сознанием», «мыслительный», «духовный»¹. Впервые это

слово в повседневной жизни стало использоваться еще в XIV веке. У. Раульф на основе анализа французской публицистики рубежа XIX-XX вв. пришел к выводу, что смысловой заряд слова «mentale» образовался до того, когда оно находилось еще в пределах обыденного языка². В научный же оборот термин «менталитет» ввел американский философ Р. Эммерсон в 1856 году. Под менталитетом он понимал специфический тип мышления. С тех пор эта дефиниция стала широко использоваться у представителей других наук. В психологию, к примеру, понятие «mentale» ввел французский психолог и этнограф Л. Леви-Брюль в 1910 году. В своих трудах Л. Леви-Брюль делал вывод об особой эмоциональной окраске, «пралогичности» психики людей, не достигших стадии цивилизации, резко контрастировавшей с образом мировосприятия, характерным для цивилизованных обществ³. Использование понятия «менталитет» также и французские психологи Ш. Блондель и А. Валлон, рассматривавшие ментальность как феномен психической жизни и проводившие параллель между первобытной ментальностью и ментальностью ребенка.

Наибольших успехов в исследовании менталитета достигла французская историческая школа «Анналов» — научное направление, возникшее во Франции и группирующееся вокруг основанного М. Блоком и Л. Февром журнала «Анналы» (1929-1939)⁴. Суть «коперниканской революции», как называли возникновение школы «Анналов» сторонники этого направления, состояла в замене классической «истории-повествования» «историей-проблемой», в попытке создать «тотальную» историю, т.е. историю, описывающую все существующие в обществе связи — экономические, социальные, культурные⁵. Школа «Анналов» ставила в центр не

деятельность «великих» людей, не описание событий, в первую очередь политических, а исследование всего общества в его целостности, вскрытие глубинных структур, существовавших в течение больших временных отрезков⁶. Одной из важнейших новых проблем, открытых для исследования основателями школы «Анналов», является не изучавшаяся ранее история общественной психологии, коллективных представлений и ценностей, которую М. Блок и Л. Февр определили как историю ментальностей (*histoire des mentalités*), введя это, ныне широко принятое понятие в историографию. Под «ментальностью» они понимали «тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания, — люди ими пользуются сами того не замечая, не вдумываясь в их существо и предположки, в их логическую обоснованность»⁷. Блок и Февр доказывали, что к числу исторических фактов относятся не только «события», но и «процессы», в том числе процессы социально-экономического развития и общественной психологии. «Обесценение монеты, понижение заработной платы, возрастание цен — все это, — писал Л. Февр, — бесспорно, тоже исторические факты, причем, с нашей точки зрения, куда более важные, чем смерть какого-нибудь государя или заключение непрочного договора»⁸. Стремясь к созданию всеобъемлющей «глобальной» истории, М. Блок и Л. Февр не придерживались монистического подхода к интерпретации понятия менталитет. На первый план при определении этого феномена выступала то географическая среда, то развитие научно-технического процесса, то коллективная психология. Нередко именно эти факторы определяли ведущее начало, поскольку все явления общественной жизни осуществляются, проходя через сознание и субъективную психологическую мотивацию человека, а история всегда понималась Февром и Блоком как «наука о человеке», «наука о людях» — «единственных подлинных объектах истории»⁹. Школа «Анналов» постепенно приобрела широкую известность и в течение нескольких десятилетий оказывала решающее влияние на развитие французской историографии. Новаторские труды М. Блока и Л. Февра, выдвинутые ими идеи означали переход к новому пониманию содержания понятия «менталитет». Они заложили основу «новой исторической науки» или, как ее называют в США, — «новой научной истории», завоевавшей после Второй мировой войны ведущее положение в мировой историографии.

Однако в целом определения понятия «менталитет» в западной науке были даны довольно нечетко. Менталитет — «специфический тип мышления» (Р. Эммерсон), «образ мировосприятия, характерный для цивилизованных обществ» (Л. Леви-Брюль), «феномен психической жизни» (Ш. Блондель и А. Валлон), «уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентной привычки, от приемов сознания» (М. Блок и Л. Февр).

Идеи о «народном духе» какого-либо народа прослеживаются в ряде философских разработок Ш. Монтескье, Ж.Б. Вико, И. Гардена, Гегеля и др. Так, Гегель использует в своей работе понятие «местный дух, который обнаруживается во внешнем образе жизни, занятиях, формах тела и предположениях, но в еще большей мере во внутренней тенденции и способностях интеллектуального и нравственного характера народов». «Естественная история человека

описывает, обусловленное самой природой предрасположение национального характера: телесное развитие, образ жизни, занятия, равно как и особые направления ума и воля наций»¹⁰.

С развитием психологии, логики, лингвистики, культурологии термин «менталитет» получил в каждом отдельном научном направлении свое специфическое истолкование¹¹. Понятие «менталитет» («ментальность») стало занимать прочное положение и среди отечественных ученых-психологов. Например, по мнению Т.Г. Стефаненко «при определении этноса как группы, ключевой характеристикой которой является осознание людьми своей к ней принадлежности, именно ментальность — наиболее подходящая категория при изучении социально-культурных особенностей народов. Более того, с первых шагов становления этнопсихологии крупнейшие ее представители изучали именно ментальность, хотя и под другими названиями»¹².

Значительный вклад для раскрытия понятия «менталитет» со стороны психологической науки внесли концептуальные положения К.Г. Юнга, который пишет «о наличии в психике динамичных схем коллективной мысли, являющихся результатом и отражением имевших место переживаний и факторов, послуживших причинами подобного рода переживаний». Эти предсуществующие формы, названные К.Г. Юнгом «архетипами», представляют собой «возможность определенного типа восприятия и действия в ситуациях, соответствующих данному архетипу. Мы рождаемся не только с биологическим, но и с психологическим наследством, определяющим наше поведение и опыт». По мнению ученого, «помимо непосредственного сознания, которое имеет полностью личностную природу и которое является единственной эмпирически данной психикой, существует вторая психическая система, имеющая коллективную, универсальную и безличностную природу, идентичную у всех индивидов». «Это коллективное бессознательное — замечает автор, — не развивается индивидуально, но наследуется. Оно состоит из предшествующих форм, архетипов, которые лишь вторичным образом становятся осознаваемыми и которые придают определенную форму содержанию психики»¹³. Отметим также и вклад в изучение менталитета психолога И.Г. Дубова. По его мнению, менталитет — некая интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего общества и объяснить специфику реагирования на него¹⁴.

Понятием «менталитет» активно пользовался основатель социологии Э. Дюркгейм, который одну из рубрик своего журнала назвал «Групповая ментальность». «В основе наших суждений, — писал Дюркгейм, — имеются известное число существенных понятий, которые управляют нашей умственной жизнью»¹⁵.

Менталитет является предметом изучения этнопсихологии, которая изучает психологические и психические особенности нации. Она сопоставляет народы, исходя из национальной особенности мышления. Большое внимание изучению менталитета уделяет этносоциология, занимающаяся сравнительным анализом социальных институтов и социальных проблем жизнедеятельности этносов. Взаимоотношение этнической культуры и языка изучает этнолингвистика.

В отечественной науке на ранней стадии изучения данного феномена «менталитета» и некоторые

его аспекты в научных трудах заменялись такими синонимами, как «национальный характер, «национальная душа», «национальное сознание». Традиции изучения русского национального характера были заложены еще историками России XIX в. Н.М. Карамзиным, С.М. Соловьевым, В.О. Ключевским. Например, в работах В.О. Ключевского введены такие характеристики русского народа, как чувство народного единства или «общеземское чувство», как любовное чувство к «старому Киеву с его князьями и богатырями, с его св. Софией и Печерской лаврой» в отличие от чувств к Москве, которую «народ немножко уважал и побаивался, но не любил искренно», или к Петербургу, которого «он не любил, не уважал и даже не боялся»¹⁶. Им выявлены наклонности великоросса «дразнить счастье, играть в удачу, привычка напряженно работать короткое время и непривычка трудиться ровно, размеренно и постоянно». В яркой афористической форме им очерчен характер великорусского крестьянина, сформированный одинокой борьбой с природой: «Великоросс лучше работает один, когда на него никто не смотрит, и с трудом привыкает к дружному действию общими силами. Он вообще замкнут и осторожен, даже робок, сам себе на уме, необщителен, лучше сам с собой, чем на людях, лучше в начале дела, когда еще не уверен в себе и в успехе, и хуже в конце, когда уже добьется некоторого успеха и привлечет внимание: неуверенность в себе возбуждает его силы, а успех роняет их. Ему легче одолеть препятствие, опасность, неудачу, чем с тактом и достоинством выдержать успех, легче сделать великое, чем освоиться с мыслью о своем величии...»¹⁷.

Какое же внимание уделялось изучению менталитета историками в отечественной науке? В начале 90-х годов XIX века российскими исследователями были сделаны первые попытки дать новому термину адекватное наполнение. Наибольших успехов в разработке проблем теории ментальности в России достигли А.Я. Гуревич, Т.Г. Стефаненко, А.П. Ястребитская, В. П. Даркевич, Ю.А. Бессмертный, К.Г. Юнг, И.Г. Дубов, А.С. Ахиезер и др.

В 1981 году, описывая народное сознание, Гуревич вводит термин «mentality», называя его духовным инструментарием, умственным оснащением, складом ума¹⁸. От этого понятия, по Гуревичу, зависят видение мира, приемы освоения действительности, коллективные психологические установки, т.е. это имплицитные, неявные модели и навыки сознания и поведения. Говоря о ментальности больших групп людей, Гуревич замечает, что «понятие ментальности означает наличие у людей того или иного общества, принадлежащих к одной культуре, определенного общего «умственного инструментария», «психологической оснастки», которая дает им возможность по-своему воспринимать и осознавать свое природное и социальное окружение и самих себя»¹⁹. При этом, по Гуревичу, создается особое мировидение, которое налагает неизгладимый отпечаток на все поведение человека. И «субъективная сторона исторического процесса, способ мышления и чувствования, присущий людям данной социальной и культурной общности, включается в объективный процесс их истории». Для самого Гуревича благодатным полем исследования является «Средневековые — эпоха господства ритуала, условного демонстративного жеста, заклиняющего или благословляющего слова, строгого этикета во всех социальных отправлениях человека»²⁰.

А.С. Ахиезер пишет, что «менталитет — это имплицитные структуры психического склада нации, генетически и социально укорененные в сознании и сфере бессознательного многих поколений людей, а потому — при всей своей относительной исторической изменчивости — в своих основах постоянные, стабильные, а потому представляющие наиболее общее содержание, объединяющее в себе различные исторические эпохи в развитии национальной истории и культуры. Менталитет является центральным содержанием трансмиссии культуры, менталитет — это квинтэссенция культуры социума в ее наиболее широком понимании, это имплицитные основания индивидуального и коллективного мировосприятия, мировоззрения, поведения...»²¹. Таким образом, в России складывается собственная школа историков, занимающихся теорией ментальности. Эта школа сделала довольно серьезные шаги в разработке собственной концепции понятия ментальности.

В заключение хотелось бы обратить внимание на определение понятия «менталитет» в энциклопедической литературе. Большой энциклопедический словарь, к примеру, под данным понятием подразумевает следующее: «Менталитет (ментальность) (от позднелат. *mentalis* — умственный) образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе»²². Современный Философский энциклопедический словарь дает такое понимание менталитета: «образ мышления, общая духовная настроенность человека или группы»²³. Новая философская энциклопедия понимает менталитет как «...глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; относительно устойчивая совокупность установок и предрасположенностей индивида или социальной группы воспринимать мир определенным образом»²⁴. Педагогический энциклопедический словарь дает такое определение — «Менталитет, ментальность (от позднелат. *mentalis* — умственный) — это образ мыслей, совокупность умственных навыков, духовных установок и культурных традиций, присущих отдельному человеку или человеческой общности»²⁵. В Словаре Ожегова слово «менталитет» отмечается как «книжное» и определяется как «мировосприятие, умонастроение»²⁶.

Таким образом, исходя из «словарного запаса», дефиницию «менталитет» можно характеризовать как единство образа мыслей, культурных особенностей нации, которые формируются в определенных социально-культурных, политических, экономических, природно-климатических условиях.

В целом из анализа научной литературы, посвященной определению понятия «менталитет», вытекает, что, несмотря на большой накопленный опыт в области изучения менталитета, до сих пор нет четкого его определения. Огромный пласт исследований теории ментальности требует систематизации и более продуманного структурирования. На сегодняшний момент в науке не существует четкого разграничения понятий «менталитет» и «ментальность». Изучение менталитета тормозится еще и потому, что отмечается разноречивость в междисциплинарных научных работах. Исследований по разделу отечественной истории, к сожалению, немного, и они представляют мозаичный характер. Это, в свою очередь, делает сегодня наиболее актуальной разработку указанной проблемы в методологическом ракурсе исторической науки.

Библиографический список

1. Додонов Р.А. Теория ментальности: Учение о детерминантах мыслительных автоматизмов. — Запорожье, 1999. — С. 6.
2. Михина Е.М. У. Раульф. Рождение понятия. Разговоры о «ментальности» во времена дела Дрейфуса. — М., 1991. — С. 45-47.
3. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление http://www.philosophy.ru/library/myth/levi_brul.html
4. Февр Л. Бои за историю. — М., 1991. — С. 39.
5. Февр Л. Бои за историю. — М., 1991. — С. 58.
6. А.Я. Гуревич, Д.Э. Харитонович <http://culture.niv.ru/doc/culture/encyclopedia-xx-vek/580.htm>.
7. Февр Л. Бои за историю // А.Я. Гуревич. Уроки Люсьена Февра. — М., 1991. — С. 518.
8. Февр Л. Бои за историю. — М., 1991. — С.13.
9. Февр Л. Бои за историю. — М., 1991. — С. 19.
10. Гегель. Сочинения: Том III. Энциклопедия философских наук. Часть третья. Философия духа. — М., 1956. — С. 75-76.
11. Современная этнопсихология: Хрестоматия/ Под общ. ред. А.Е. Тараса. — Минск: 2003. — С. 240.
12. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. — М., 2003. — С. 137.
13. Юнг К.Г. Аналитическая психология. — М., 1995. — С. 72.
14. Кукушкин В.С., Столяренко Л.Д. Этнопедагогика и этнопсихология. — Ростов-на-Дону, 2000. — С. 140.
15. Дюркгейм Э. Социология и теория познания: Хрестоматия по истории психологии. — М., 1980 — С. 213.
16. В.О. Ключевский. Сочинения: Том I. Курс русской истории. Часть 1. — М, 1956. — С.203-205.
17. В.О. Ключевский. Сочинения: Том I. Курс русской истории. Часть 1. — М, 1956. — С.314-315.
18. Гуревич А.Я. О новых проблемах изучения средневековой культуры // Культура и искусство западно-европейского Средневековья. — М.,1981. — С. 19.
19. Гуревич А.Я. О новых проблемах изучения средневековой культуры // Культура и искусство западно-европейского Средневековья. — М.,1981. — С. 56-57.
20. Гуревич А.Я. О новых проблемах изучения средневековой культуры // Культура и искусство западно-европейского Средневековья. — М.,1981. — С. 65.
21. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. В 3 т. Т.1. От прошлого к будущему — М., 1991. — С. 190.
22. Российский энциклопедический словарь: В 2 кн. — /Гл. ред.: А.М. Прохоров. — М.: Большая российская энциклопедия, 2001. — С. 931.
23. Философский энциклопедический словарь. Под ред. Губской Е.Ф. — М.: Изд-во Цифра, 2002. — С. 263.
24. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд; научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, заместители предс. А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. — М.: Мысль, 2001. — С. 525.
25. Педагогический энциклопедический словарь. Под ред. Б.М. Бим-Бада. — М.: Большая российская энциклопедия, 2002. — С. 140.
26. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. — М.: 1992. — С. 358.

ПЕСТРИКОВА Ирина Евгеньевна, ведущий документовед ученого совета ОмГТУ, аспирантка кафедры отечественной истории.

Дата поступления статьи в редакцию: 01.06.2007 г.

© Пестрикова И. Е.

Книжная полка

Казьмина, М.В. Отечественная историография второй половины 1980-х годов — начала XXI века о политической и социально-экономической модели развития СССР 1930-х годов / М.А. Казьмина. — 1-е изд. — М.: Кемерово, «Кузбассвуиздат», 2006. -200 с. — ISBN 978-5-202-00934-1.

В монографии анализируются основные концепции, предложенные в работах ведущих отечественных исследователей относительно характеристики власти и социально-экономических изменений предвоенного десятилетия. Предложена периодизация историографии выбранной темы, подняты наиболее дискуссионные проблемы и намечены вопросы, требующие дальнейшего изучения.

УДК 390ТТ198: 316.32(47+57) 6 321. ББК Т1(2)6.

История государственного управления в России: учебник / ред.: Р.Г. Пихои. -4-е изд., доп. и перераб. — М.:РАГС, 2006.-.440 с. — (Учебники Российской академии государственной службы при Президенте РФ). — ISBN 978-5-7729-0201-1.

Освещается исторический опыт государственного управления и местного самоуправления в России. Раскрыта роль высших, центральных и местных органов государственной власти в управлении страной, отражен многогранный и противоречивый процесс осуществления реформ государственного управления в России.

Для слушателей различных форм подготовки, переподготовки и повышения квалификации.

Рекомендовано Министерством образования РФ.

История и философия отечественной исторической науки: учеб. пособие.- М.: РАГС, 2006 — 334 с. — ISBN 978-7729-0170-0.

Учебное пособие подготовлено ведущими учеными-историками РАГС при Президенте РФ и Институтом российской истории РАН.

Цель работы заключается в системном изложении научных основ философии истории и исторических знаний. Особенность и отличие издания в акценте на философской составляющей в историографии отечественной истории.

Пособие адресовано аспирантам и соискателям, сдающим кандидатский экзамен по общенаучной дисциплине «История и философия науки». Оно полезно всем тем, кто изучает историографию отечественной истории.

Рекомендовано Научно-методическим советом Министерства образования и науки РФ.

УДК 930. ББК 63.